

Пранцессы Среданного мара

Мария Берестова

Свежавшая
пранцесса

Мария Берестова

Сбежавшая принцесса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68960943

SelfPub; 2023

Аннотация

Чтобы сбежать от страшного брака, принцесса просит отъезжающего посла соседней страны взять ее в жены и увезти с собой.– короткая любовная сказка без претензий на серьезность- развитие нежных романтических отношений- троп "герой спасает попавшую в беду девицу"– в качестве героя – интеллигент, который весьма обескуражен выпавшей ему ролью и не очень-то умеет с ней совладать- в качестве попавшей в беду девицы – целеустремленная особа, не готовая опускать руки

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвёртая	30
Глава пятая	38
Глава шестая	47
Глава седьмая	56
Глава восьмая	64
Глава девятая	73
Глава десятая	81
Эпилог	91

Мария Берестова

Сбежавшая принцесса

Глава первая

Гостиная выглядела непривычно пусто – всё уже приготовили к завтрашнему отъезду. Берт сам упаковывал все книги, раскладывая их по тематическим связкам, и теперь было дико сесть в кресло и не обнаружить под рукой ни одного томика. Вздохнув, он привстал и чуть сдвинул кресло: вечернее солнце непривычно било в глаза – тяжёлые бархатные портьеры травяного цвета тоже сняли.

Всё было непривычно и голо. Пустая полка у камина – там раньше лежали их трубки, все разобрали свои, а он прихватил и оставшиеся, просто на память о людях, которые в последние два года находили в этом доме приют. Со стен убрали картины – они изображали собой нийские пейзажи и напоминали о доме.

Будет ли следующий посол Нии жить в этом же особняке? Берт не знал; его миссия теперь завершилась, и он, по правде говоря, не очень-то заботился о том, как теперь будут строить отношения с Райанци. Точно более агрессивно – иначе не отзывали бы его и не присылали бы А-Верти.

Берт всегда считал, что для дипломата А-Верти слишком

жёсток и холоден – но к новому королю Райанци требовался другой подход, и молодой солнечно-дружелюбный Берт со своей командой тут становился неуместен.

По совести сказать, Берт был несказанно рад, что его отзывают. Найти подход к новому королю ему было бы просто, и те методы, которыми привык действовать он, тут бы не сработали. А выработать новые и подстраиваться под обстоятельства... да, Берт это умел, и наверняка бы научился, – но зачем, если в Ниии есть более подходящие кандидаты на роль главы ниййского посольства в Райанци?

«Что ж! Вот и закончился этот этап!» – прижмурился Берт, закладывая руки за голову и откидываясь на спинку удобного мягкого кресла – делали по его заказу.

Он был вполне доволен результатами своей двухлетней работы. С прошлым королём и его правительством ему удалось установить хорошие отношения, и эти годы в Райанци и в сравнение не шли с его предыдущей миссией – Берт вздрогнул, вспомнив душный воздух Ньюна и тяжёлый взгляд ньонского владыки. Нет, в Ньюн он ни за что больше не поедет, что бы там ни выдумывал брат! И люди отвратительные, и климат ужасный!

Слава Богу, после идиотской смерти владыки – того зарезала собственная жена, и её чувства прекрасно можно было понять, – Берта перевели в Райанци, к культурным единоверцам, которые привыкли решать проблемы если не словами, то хотя бы интригами, но уж точно не убийствами и по-

единками, как было принято в Ньоне.

«Нет, в Ньон – ни за что!» – сам себе кивал Берг, который был согласен даже бросить карьеру дипломата, лишь бы не иметь дел с этими воинственными дикарями и их деспотичными правителями.

Ленивые мысли бывшего нийского посла в Райанци прервало появление слуги.

– К вам дама, ваше сиятельство! – с поклоном объявил он. Берг удивлённо приподнял брови.

– Мы уже не принимаем, Рей, – аккуратно напомнил он.

Слуга замялся; с то ли кашлем, то ли кряхтением принялся теребить свои манжеты.

– Она... – наконец, объявил он причины своего поступка. – Она в таком отчаянии, ваше сиятельство...

Удивление Берга ещё возросло. Нийское посольство не было тем местом, где искали пристанища попавшие в беду дамы – и в другой ситуации он поостерёгся бы вмешиваться во внутренние дела Райанци и спасти отчаявшихся леди. Но теперь настроение его было слишком благостным, да и послом он больше не являлся, так что...

– Проси! – кивнул он, вставая и аккуратно застёгивая на все пуговицы небрежно распахнутый до этого момента сюртук.

Он справился как раз вовремя; слуга впустил в двери даму, которая, и впрямь, по всем приметам находилась в весьма глубоком отчаянии.

Молодая девушка – Берт не дал бы ей на глаз больше двадцати пяти – с заплаканными глазами и чёрными кругами под ними. Она была аккуратно причёсана и прилично одета, но в каждом движении её чувствовалась подавляемая истеричная нервозность. Особенно напрягли Берта её тонкие пальцы, которые она держала неестественно неподвижно – ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что она так пытается подавить дрожь.

– Ваше сиятельство! – леди сделала изящный и полный достоинства реверанс, но Берт, уже отпустивший наружу профессиональный азарт, заметил и чересчур чёткую, нарочитую артикуляцию – очевидно, и голос её пытался дрожать, – и лёгкую заминку, свидетельствующую о том, что она не может решить, когда из этого реверанса встать и достаточно ли почтителен вышел сделанный поклон, и сбежавший от прямого зрительного контакта взгляд. Леди смотрела куда-то в область его лба – и, судя по тому, как часто она смаргивала, даже эта задача была для неё не такой уж простой, и она с трудом заставляла себя смотреть на него, а не куда-нибудь в пол.

– Мадемуазель, – спокойно поклонился в ответ он и жестом пригласил к софе: – Прошу вас.

Однако на софу она даже и не взглянула; так и не отрывала острого мучительного взгляда от его лба, словно цепляясь этим взглядом за него.

Берт подумал, что точно поможет этой девушке, даже ес-

ли брат и будет им недоволен. В конце концов, нельзя же было бы завершить столь успешную двухлетнюю миссию таким неприятным поступком, как отказ поповшей в беду леди! Если откажет – он же потом всю жизнь будет вспоминать об этом с сожалением и досадой!

– Нет, я к вам... просительницей, – вдруг, собравшись, мотивировала свой отказ сесть леди. Голос у неё был приятный, и, по видимости, в нормальном состоянии – звонкий; но теперь он звучал несколько сдавленно от того, что она, очевидно, прикладывала усилия к тому, чтобы произносить свои слова.

По запинке, которую у неё вызвало слово «просительница», Берт предположил, что дама из гордых, и роль эта ей весьма непривычна – видимо, и впрямь в отчаянии.

– Я... – деревянно-неподвижные пальцы дёрнулись было с намерением вцепиться в ткань платья; но леди собралась, снова заставила свои руки застыть и не дрожать, и явно на одной силе воли, по-прежнему настойчиво высверливая взглядом его лоб, выложила цель визита: – Возьмите меня замуж, ваше сиятельство!

Только многолетний опыт работы дипломатом позволил Берту остаться невозмутимым; просьба была совершенно неожиданной и далёкой от любой из тех версий, что он успел построить внутри своей головы.

– Пожалуйста, – спохватившись, добавила дама, и снова сделала реверанс – скорее всего, чтобы иметь возможность

спрятать глаза, уткнувшись ими, наконец, в пол.

Берт невольно стал перебирать в голове знатные райанские фамилии – пытался понять, что за семья у этой леди, и из-за чего от выбранного родителями супруга она надумала бежать не в монастырь, не с тайным возлюбленным, не к дальним родственникам, наконец, – а с уезжающим ниййцем.

«Отметь, ей нужен именно брак. Её родители так этого побега не оставят? Будут догонять и проверять?» – увидел в деле очевидную проблему Берт.

Между тем, леди, увидевшая в его молчании отказ, принялась, не вставая из реверанса, лихорадочно говорить в пол:

– Клянусь, ваше сиятельство, я буду идеальной женой! Я справлюсь и со светскими, и с хозяйственными обязанностями, я хорошо образована и ничем вас не опозорю, я в совершенстве владею ниййским... – она тут же и перешла на ниййский и принялась лихорадочно перечислять все те бесчисленные достоинства, которыми должна была обладать идеальная жена.

Берту стало мучительно больно всё это выслушивать; хотя, чем дальше леди говорила, тем звонче и уверенней звучал её голос, в самом этом лихорадочном, быстром монологе отчаяние её проступало всё отчётливее.

– Ах!.. – вдруг подскочила она, прервав саму себя, и впервые устремила на него прямой взгляд – в её серых, отдающих в синеву глазах, стояла паника. – Я потом, в Ниии, если вам

будет угодно, уйду в монастырь...

Голос её сорвался – Берт сделал вывод, что в монастырь ей совсем не хочется, и она высказала это от отчаяния, в попытке уговорить его.

Она нервно дёрнулась, опустила глаза, спохватилась и остановила пальцы, теребящие платье, заставив их вновь одеревенеть, и, кажется, набирала воздуха, чтобы выдать ещё одну порцию своих несомненных преимуществ в качестве пригодной для брака особы – но Берт успел первым, потому что у него в голове картина, наконец, сошлась.

– Именно замуж и именно за меня? – тихо и спокойно повторил он.

Она подняла на него глаза, напуганные и умоляющие, и теперь они показались ему гораздо более синими, чем сперва – возможно, потому что других вариантов тут не могло быть. Именно замуж – и именно за него, иначе бы леди высказала бы альтернативы. Но конкретно у этой леди альтернатив, очевидно, не было и быть не могло.

– Я бастард, ваше высочество, – напомнил ей Берт.

– Да хоть дьявол! – эмоционально всплеснула она руками, но тут же запнулась, осознав, что именно воскликнула, покраснела, мерно и аккуратно вернула руки на место, и вновь склонилась в реверансе с тихим: – Простите, ваше сиятельство.

Берт задумчиво взглянул на принцессу – о да, теперь личность незнакомки не оставляла сомнений. Племянница быв-

шего короля, последняя из старшей ветви Се-Ролов, по старшинству она имела преимущество перед королём нынешним – но при таком раскладе райанские законы отдавали корону мужчине. Король, конечно, предпочёл перестраховаться – и сделал это способом весьма премерзким.

Принцесса жила в замке у Торкийских гор и не стремилась к светской жизни, именно поэтому Берт никогда раньше не видел её и не мог узнать в лицо. В столицу она должна была прибыть как раз на днях – чтобы выйти замуж.

Её отчаяние было теперь Берту вполне понятно; в женихи король подобрал человека, постельные предпочтения которого гарантировали скорую кончину возможной претендентки на трон.

Этот ход короля вызывал у Берта омерзение ещё тогда, когда он только о нём узнал; теперь же ему стало жалко принцессу совсем уж нестерпимо.

«Брат меня убьёт!» – подумал он с истеричным весельем, потому что для себя уже всё решил, хотя ум дипломата и пытался ещё достучаться до него и заявить, что решение это не просто безрассудно, а катастрофично, а то и вовсе явится поводом для войны.

«Чай, не Ньон! Разберёмся!» – отмахнулся от рациональной части себя Берт и поспешил озвучить своё решение до того, как опомнившаяся от смущения принцесса начала новый раунд с перечислением своих достоинств:

– Что ж, если вас всё устраивает, ваше высочество, то ме-

ня и подавно! – он приложил руку к сердцу и совершил лёгкий поклон, после чего уточнил: – Я так понимаю, «прямо сейчас» будет лучшим выбором?

– Да, – тихо выдохнула она, глядя на него ещё не поверившими, настороженными глазами. На растерянном лице её читался вопрос: «Правда? Так просто?»

Ему даже в какой-то момент показалось, что она сейчас начнёт отговаривать его, перечисляя все те проблемы, которые ему принесёт этот брак, с тем же пылом, с каким она только что перечисляла свои достоинства.

«В конце концов, – с немного истеричным весельем успокоил себя Берт, – брат же хотел, чтобы я женился? Вот пусть и получает!»

Брат – нийский король – конечно, много чего хотел – но явно не беглую райанскую принцессу в почти-невестки.

Глава вторая

Что по райанским, что по нийским правилам браку должна была предшествовать трёхнедельная помолвка. Не говоря уж о том, что перед венчанием будущим супругам должно было попоститься и помолиться, и к таинству подходить подготовленными.

Поспешный брак, да ещё и совершаемый в вечернее время, нарушал все возможные церковные каноны; но у Берта были неплохие отношения с одним нийским священником, так что дело удалось устроить «по дружбе».

Само венчание, впрочем, было продолжительным и занудным, как и положено по чину, так что у Берта было достаточно времени, чтобы продумать свои следующие шаги, а заодно – поизучать невесту.

Она, кажется, так и не поверила, что дело может решиться так просто. Хотя она продолжала держаться достойно – взгляд её был непрерывно устремлён на иконы, и она в нужное время осеняла себя твёрдым и уверенным крестным знаменем, – у Берта сложилось ощущение, что каждый звук со стороны дверей вызывает у неё новый приступ паники, и она едва сдерживает себя, чтобы не обернуться.

«А поедем-ка мы, пожалуй, сразу после венчания», – внёс коррективы в свои планы Берт, справедливо рассудив, что в этом деле лучше перестраховаться.

Неожиданно свалившаяся на голову жена ему, пожалуй, понравилась – понравилась не перечисленным ею списком достоинств, а твёрдостью, с которой она взялась устраивать свою судьбу. На её месте Берт не смог бы придумать решения лучше: как бы она ни затаилась в Райанци, король бы её здесь отыскал, и без проблем смог бы и извлечь из монастыря, и избавить от неподходящего супруга – если бы нашёлся местный безумец, готовый так рискнуть. Отъезжающий иностранец был лучшим вариантом, но и тут подошёл бы не всякий – рано или поздно король нашёл бы след беглянки и объявил её брак недействительным по причине мезальянса, на коей представительница славной династии Се-Ролов не получала благословения.

Нет, выбор принцессы был идеален: Берт мало того, что покидал теперь Райанци, так ещё и был внебрачным сыном дядюшки нынешнего нийского короля. Тоже на границе мезальянса, конечно, но, если брат вступится...

«Пусть только попробует не вступиться!» – сощурился Берт, уже ведя мысленный спор с братом.

Принцессу было жаль, и отдавать её на растерзание избранному для неё жениху не хотелось.

Из размышлений его вывела необходимость взять невесту за руку – пришло время ходить вокруг аналоя. И, хотя руку она ему подала твёрдо и уверенно, пальцы у неё были совершенно ледяные – она, едва коснувшись его, тут же это почувствовала, и бросила на него виноватый взгляд, словно изви-

нялась за неприятность, которую она доставляла ему своим прикосновением.

Берт сжал её пальцы ободряюще, пытаясь тем и согреть, и передать ей свою уверенность в том, что всё будет хорошо; священник скрепил их запястья особым платом – и повёл кружить.

Её пальцы всё-таки слегка подрагивали, и Берт подумал, что, видимо, она едва удерживает себя от истерики. Он вглядывался ей в лицо, поэтому, к тому же, сразу заметил, что, едва движение вокруг аналая это позволило, взгляд её испуганно метнулся к дверям храма.

– Мои приглядывают, – едва слышно шепнул он ей, за что получил взгляд смущённый и благодарный.

Берт возвращался в Ниию со своей командой, в кою входили две семейные пары и два холостяка. Одна из пар находилась сейчас в храме в качестве свидетелей; другая – спешно собирала дорожные вещи для принцессы; двое оставшихся стояли снаружи храма на стрёме.

Чин, каким бы занудным он ни был, подошёл, наконец, к концу, и Берт столкнулся с совершенно позабытой им за другими мыслями неловкостью: необходимостью поцеловать уже жену. Пугать и без того в край напуганную девушку не хотелось, поэтому он быстро и чисто формально коснулся губами уголка её губ; по тому, как уголок этот дрогнул в облегчённой улыбке, он понял, что его деликатность была замечена и расценена верно.

Священник не стал затягивать с напутствием, и вскоре они уже выходили наружу.

– Вы умеете ездить верхом, ваше высочество? – решил прояснить ситуацию Берт, аккуратно складывая свежую бумагу, подтверждающую факт венчания.

Она подняла на него серьёзные глаза:

– Немного. Недостаточно хорошо, – призналась она и тут же упрямо заверила: – Но я справлюсь!

– О, я тоже не лучший наездник, – поспешил заверить её Берт, – но времени лучше не терять, так что отправимся верхом.

Принцесса чем дальше, тем больше ему нравилась. Его уважение к ней ещё возросло, когда чуть позже, выйдя из посольства уже одетой по-дорожному, в мужской костюм, она спокойно отметила:

– Я раньше не ездила по-мужски. В этом есть какие-то нюансы?

Берт несколько растерялся, поскольку сам-то он никогда не ездил по-дамски и не знал, как сравнить.

– Удобнее, – выручила его одна из соратниц. – И можно привстать на стременах.

Кивнув, принцесса позволила Берту помочь ей с посадкой; несмотря на то, что садилась она так впервые, движения её были вполне уверенны и, кажется, она была уже не так напугана, как раньше.

Солнце уже садилось, и время для отъезда было весьма

неудачным, но Берт полагал, что им стоит спешить. Принцесса призналась, что сказала больно́й этим утром, когда прибыла с сопровождением в предместья. Запершись в комнате, она тайком выбралась из окна, и, если её до сих пор и не хватились, то уж на утро хватятся точно.

Решено было ехать столько, сколько позволит закат, и, возможно, луна, – благо, южный тракт был оживлённым и хорошо устроенным, поскольку именно он вёл к крупнейшему в Райанци порту.

Сперва ехали молча; когда наступила ночь, Берт предложил всё же остановиться в ближайшей деревне – луна то и дело скрывалась облаками, и путь становился и опасным, и сложным.

– Если позволите, – тихо ответила принцесса, – я предпочла бы поспешить.

– Нам всё равно придётся хоть раз остановиться на сон до порта, – отметил Берт. – Лучше сейчас.

Она помолчала; в темноте он совсем не видел выражение её лица. Наконец, она выдала результат своих размышлений:

– Если не останавливаться, мы доедем к следующему вечеру, так? – он подтвердил. – Но корабли не отходят вечером? – прозвучал новый вопрос.

– В Южном слабые приливы и отливы, – ответил Берт, – и меня там ждут. Так что можем отчалить и вечером.

«Нашим только придётся арендовать места на другом корабле», – отметил он про себя, беспокоясь о своих людях, ко-

торые не успеют их догнать и попасть на нийский корабль, который ждал именно их.

– Тогда я предпочла бы ехать без остановок, – отметила принцесса, и тут же взволнованно добавила: – Звучит ужасно самоуверенно, но, поверьте, я справлюсь.

– Я верю, – успокоил её он, понимая, что её подгоняет страх.

Сам он совсем не был так уверен в своей способности проделать такой длинный путь без остановок и без сна – но, в конце концов, разве был у него выбор?

Взялся спасти принцесс – соответствуй званию героя!

Самоирония такого рода вызвала у Берта досадливое хмыканье. Он себя никогда не считал героем, и был отнюдь не хорош в тех областях, которые считались типично «геройскими», вроде фехтования или верховой езды. Его стихией был интеллект, а его призвание лежало в сфере высоких умственных игр. Приключение, подобное сегодняшнему, было первым в его жизни, и он теперь мог с уверенностью сказать, что такие истории совсем не в его вкусе.

Принцесса, между тем, решила, что хмыкает он над ней.

– Всё-таки не верите? – переспросила она, как ему показалось, с усталой усмешкой в голосе.

Теперь, когда лица её не было видно, он особенно отметил, сколько ясно её эмоции отражаются в том, как она говорит.

– Нет, это я над собой, – поспешил он разубедить её. –

В отличие от вас, ваше высочество, я в себе уверен гораздо меньше!

Она помолчала несколько секунд, потом ответила:

– В самом деле, простите, я не подумала. Нам стоит остановиться, вы правы, ваше сиятельство.

– Ну! – слышать такое было даже чуть обидно, и, кажется, обида эта прорвалась в голос Берта, когда он возразил: – Что ж я, по-вашему, не смогу справиться с тем, с чем готова справиться хрупкая женщина?

– Простите, – тут же повинулась она. – Я совсем не в форме сегодня, и говорю глупости, не думая. Я не хотела вас оскорбить, – в голосе её ясно слышалось огорчение, и ему самому сделалось неловко, что он высказался так горячо.

«В её обстоятельствах любой был бы не в форме! – подумалось ему. – А она держится с таким мужеством!»

– Я читал в одном романе, – мирно отметил он, – что можно спать в седле по очереди. Но, – честно предупредил, – но очень себе представляю, как это выполняется технически.

– Вот и узнаем! – с тихим смешком отозвалась из темноты она, и тут же добавила: – Я, кажется, тоже читала этот роман... Это же?... – она назвала книгу, и ему сделалось весело от того, что это, в самом деле, была та самая книга.

Они разговорились про роман; иногда луна выходила из-за облаков, и тогда в её зыбком свете он видел, что в минуты, когда принцесса не сжимается от страха, лицо её и жесты становятся выразительными и живыми – а голос у неё и в

самом деле оказался звонким, и тоже живым.

«Ну что ж, побуду героем! – подумал Берт. – В конце концов, как ещё достаются в жёны прекрасные принцессы?»

Так получилось, что принцесса со своей бедой свалилась на него крайне вовремя: он успел уже разорвать свою райанскую связь с одной дамой, и даже вполне остыть от этих отношений эмоционально. К тому же, он был уверен, что по приеду в Ниию брат его всё же так или иначе женит – возраст уже подошёл, и тянуть дальше вышло бы дурно.

И, кого бы там ни присмотрел ему король, Берт был уже уверен, что ему повезло обзавестись женой куда как более интересной – пусть за это теперь и приходилось расплачиваться всякими некомфортными приключениями.

Глава третья

Её высочество Лойэринда Торкийская, принцесса Райанци – для своих просто Лоя – впервые в жизни выбиралась из родного замка так далеко. И если романы, которые она читала, оставили у неё некоторые мечтательные впечатления о путешествиях, то реальность установила всё чётко: она ненавидит поездки.

Конечно, тут не стоит сбрасывать со счетов причину...

Лоя вздохнула, пытаясь удобнее обхватить конскую шею. Спать в седле оказалось не только не романтично, но и чрезвычайно неудобно, и Лоя сомневалась, что сможет уснуть хоть ненадолго, поэтому предпочла уйти в свои мысли.

Воля короля – выдать её замуж – обрушилась на неё неожиданно и страшно. Ей нечего было противопоставить королю. Принцесса никогда не занималась политикой и даже не пыталась разобраться в делах Торкийской гвардии. Всю свою жизнь она занималась тем, чем и положено благовоспитанной принцессе – молилась, вышивала, выращивала цветы, музицировала, рисовала, занималась науками – но немного, без излишеств, ведь зачем женщине лишнее? В общем, она была неприспособленным к реальной жизни существом.

Ей, впрочем, повезло со слугами – это они объяснили госпоже, для чего королю надумалось выдать её замуж, и поче-

му брака этого нужно любой ценой избежать.

Однако ж, несмотря на всю свою самоотверженную готовность умереть за свою принцессу, слуги эту проблему решить не могли, и Лое впервые пришлось разбираться в хитросплетениях чужих интриг.

По дороге в столицу она пыталась разузнать всё, что только могла, обо всех, о ком только могла, – поскольку, не обладая никакими возможностями, она нуждалась в союзнике. Но ни в одной сплетне не фигурировало лицо, прославленное тем, что имело привычку спасать попавших в беду принцесс.

Лоя понимала, что сама сбежать и спрятаться не сумеет – она совершенно себе не представляла, как жить, – а вероятность того, что кто-нибудь поможет ей по доброте душевной, казалась слишком низкой. Оставалась сделка – но что она могла предложить возможному помощнику? Не то чтобы у Лои было хоть что-то своё собственное, а не принцессино.

Так она и дошла до грустной мысли, что предложить может только саму себя – но даже тут вариантов оставалось исчезающе мало.

Ей нужен был человек, который имеет связи за границей, будет готов отвезти её за границу и спрятать там. Ради простой любовницы никто не станет так напрягаться – ну, если только человек сам не планирует уезжать из страны...

Получив направление поисков, Лоя в своём сборе сплетен стала особенно внимательно расспрашивать о тех, кто пла-

нирует отъезд – но здесь ей отчаянно не везло.

Лишь на подъездах к столице её осчастливили вестью, что Ниия сменила своего представителя, поэтому на днях старый состав нийского посольства должен вернуться на родину.

Продолжив расспросы, Лоя узнала, что это старое посольство возглавлял бастард из рода А-Риолей – а вот это уже была несомненная удача! Родственник нийского короля, пусть и незаконный! Если ей удастся убедить его на брак – она будет в полной безопасности!

Совершенно ничего не зная об этом самом после, но справедливо рассудив, что он просто не может быть хуже того жениха, что ей выбрал король, принцесса весь день до приезда в столицу продумывала, как представить её брачное предложение в самом выгодном свете – но, всё же, ей до сих пор не верилось, что план её удался.

«Неужели всё получилось?» – недоумевала Лоя, каждую минуту ожидая погони.

Она не верила, что ей удастся сбежать от пригляда – кто бы думал, что трюк «сказаться больной» в самом деле сможет дать ей фору! – она не верила, что сможет чем-то заинтересовать посла, и уж тем более не верила, что он женится на ней и увезёт с собой в Ниию. Она действовала за гранью отчаяния, и уже твёрдо сама с собой решила, что будет бороться до последнего, а там и умрёт в процессе сопротивления – но не сдастся. Её упорство росло именно на этой го-

товности умереть – лишь бы не принимать своей судьбы.

Но дело выгорело – умом принцесса понимала, что их уже не догонят, потому что не смогут так быстро набрести на след, – и, хотя страх быть пойманной всё равно ещё преследовал её, она уже осознала, что ей удалось сбежать.

Вздохнув, Лоя покрепче вцепилась в гриву коня. Спать хотелось ужасно, но едва ли она была теперь на это способна. В слишком уж тугий комок сжались все её перемученные нервы...

– Не спится? – раздался из темноты сочувствующий голос посла.

– Совсем, – повинилась Лоя и предложила: – Может, лучше вы?..

Поскольку опыт верховых поездок у посла был всё же чуть больше, чем у неё, они решили, что ночью их поведёт он, а она попытается поспать.

– Давайте лучше ускоримся, – логично предложил посл. – Спать у нас сейчас вряд ли получится.

Лоя беззвучно вздохнула. Сейчас они перешли на шаг – посл вёл её лошадь в поводу и опасался прибавлять ход. Но рысь, конечно, была предпочтительнее – иначе толку-то было ехать верхом, а не в карете?

Ехать рысью Лое совсем не понравилось. Хоть они и проехали так всего пару часов – у неё уже все мышцы ныли. А впереди ещё и половина ночи, и следующий день!..

«Лучше отбить себе всё тело, но не попасться», – стиснув

зубы, напомнила себе принцесса и согласилась:

– Да, стоит ускориться.

– Тогда сейчас, луны дождусь, – легко отозвался посол.

Лоя подумала, что здесь ей повезло так, как и не мечта-лось: посол мало того, что согласился помочь, несмотря на все сопряжённые с делом проблемы, так ещё и держался безупречно-вежливо и по-доброму.

Она твёрдо пообещала себе, что не забудет его доброты, и станет ему лучшей женой на свете.

Луна вышла из-за облаков, и посол воспользовался этим моментом, чтобы вернуть ей поводья.

– Ну, крепитесь! – он ободряюще сжал её пальцы, и да-же сквозь перчатки она почувствовала, что руки у него по-прежнему тёплые, в отличие от её ледяных. – Утром остано-вимся на завтрак, возможно, получится сменить коней, тогда подремлете и отдохнёте немного.

– Я справлюсь, – улыбнулась она, сжимая поводья.

– В вас я и не сомневался! – тихо рассмеялся он, перешёл на рысь и признался: – В жизни столько не ездил верхом, как сегодня!

Лоя сильно смутилась, осознавая, что не одной ей поездка даётся не просто.

– Я вообще раньше никуда не ездила, – поделилась она.

– Ну, тогда теперь вас ждёт полный комплект! – заверил он. – Лошади, корабль и карета – три оттенка ненависти! – голос его, хоть и был весёлым, выдавал, что путешествовать

он тоже терпеть не может.

Это сходство показалось Лое забавным. Она почему-то думала, что все послы любят длительные поездки – наверно, потому что послы были иностранцами, то есть, людьми, которые так или иначе приехали издалека. С другой стороны – поняла теперь она – действительно, так-то они сидят в посольстве, и если и ездят – то только по столице.

Разговор не завязался – оба они весьма утомились от непривычной физической нагрузки – и принцесса с удивлением поняла, что ей, пожалуй, жаль. С ним оказалось интересно и легко говорить, и ей было весьма любопытно узнать, что он за человек – даже не столько из-за того, что это необходимо было узнать в виду связавших их обстоятельств, и не из-за того, что её страшило будущее и стоило, очевидно, подробнее разузнать, с кем именно она связалась и чем ей это грозит. Ей было просто интересно, и именно из-за этого интереса даже чуточку страшно – вдруг она уже успела очароваться и напридумывать себе о нём всякого красивого, а он на деле окажется совсем другим?

«Каким бы ни оказался, – напомнила себе она, – но он меня спас».

А дальше – дальше она не столько задремала, сколько отчасти отключилась от реальности. Она продолжала следить за дорогой, держать равновесие, править лошадю, в нужные моменты привставать в стременах – действительно, так гораздо удобнее, чем в дамском седле, – но мыслей у неё в голове

совсем не стало. Утомлённое и истощённое сознание оставило минимум функций, отвечающих за управление поездкой, а в остальном – замолчало.

В себя она стала приходить с рассветом.

Тёплые лучи солнца потихоньку выбивались сквозь деревья, расцветившая красками холку лошади, дорогу, пейзаж вокруг... Лоя сморгнула, неожиданно осознав, что ночь осталась позади – первая бессонная ночь в её жизни.

– Через час остановимся, – неожиданно вмешался в её удивление голос посла, и после смущённо добавил: – Наверное.

Она обернулась к нему и обнаружила, что он на ходу, одной рукой держа поводья, другой пытается развернуть карту – у него есть карта? – и разобраться в том, где они территориально. Кажется, особого опыта такого рода у него не было, и именно от того он выглядел весьма смущённым.

Лое подумалось, что, должно быть, он мало того, что не любит путешествовать, так и вообще впервые оказался во главе путешествия – при его статусе наверняка при нём должен был всегда находиться человек, который планировал путь и следил за всеми дорожными нуждами.

Смутно вспомнилось, что кто-то из его друзей – для Лои они смешались в один круговорот лиц – порывался поехать с ними, но, в конце концов, компания решила, что разделяться будет подозрительно, и что остающиеся должны симитировать отъезд полным составом. Скрыть отсутствие своего

предводителя и так-то будет непросто – а уж если от семерых останется всего пятеро!

«Интересно, а почему он меня сам повёз?» – с любопытством подумала принцесса. Было бы, наверно, логичнее отправить её с кем-нибудь более опытным. . .

Ей было отчего-то приятно, что не отправил, а повёз сам, и особенно приятно от того, что поездки такого рода явно не были ему привычны.

– Позавтракать было бы замечательно, – улыбнулась Лоя.

За весь вчерашний страшный день она успела только перехватить пару пирожков в посольстве, пока жених ходил договариваться со священником, и, несмотря на то, что волнение напрочь лишило её аппетита, теперь она ощутимо чувствовала голод.

– Там Рина нам что-то укладывала с собой, – незамедлительно откликнулся посол, с трудом сворачивая карту одной рукой и отправляя её в седельную сумку. – Но я всё равно планирую попробовать договориться о смене лошадей, так что вы успеете позавтракать нормально, – заверил он, с трудом подавляя весьма заразительный зевок.

Не преуспел, отвернулся и зевнул в сторону.

Не устояв, Лоя последовала его примеру. Спать почему-то хотелось больше, чем ночью.

Отзевавшись, они обменялись понимающими взглядами.

Лое пришлось особенно по душе, что от положенных по этикету извинений они оба по негласному договору воздер-

жались.

Глава четвёртая

До порта они и впрямь добрались к вечеру – уставшие, измотанные и явно на голом упрямстве. Она держалась на одном страхе перед королём, который на территории Райанци всё ещё оставался для них фигурой непобедимой; он – на гордости, поскольку уступать в плане выносливости девушке было бы совсем уж позорно.

Уладив все формальности он, и в самом деле, смог договориться о том, чтобы отчалить незамедлительно.

Лоя некоторое время стояла на палубе, обхватив себя руками, и смотрела на удаляющийся берег. Она любила свою страну – точнее, ту небольшую её часть, в которой родилась и прожила всю свою жизнь, – и ей было больно уезжать отсюда, скорее всего, навсегда. Она думала о людях – тех, которые остались там, в Торкийском замке. О самом замке – особенно о любимом широком окне в протопленной кухне, куда она часто забредала почитать или просто помечтать. В проёме этого окна висели душистые травы, которые использовались как специи, и этот дурманный, составленный из десятка составляющих аромат, кажется, был лучшим, что она когда-либо ощущала в своей жизни.

Был ещё огромный дуб – на одном из его гигантских корней она любила сидеть – и озеро, в котором она купалась летом, и ползучие розы на её балконе, и...

Она сама не заметила, что плачет. Она глубоко, искренне и всем сердцем любила свою жизнь – такой, какой она была всегда, – и ей не верилось, что там, в Ниии, будет хотя бы вполовину так же хорошо.

«Мне придётся всю жизнь говорить на ниййском языке?» – подумала она по-райански и содрогнулась.

Говорить по-ниййски, одеваться по-ниййски, жить по-ниййски...

Вдруг ей пришло в голову новое страшное осознание: она вышла замуж не просто за ниййца, а за посла. Его – а вслед за ним и её – могут отправить в какую-нибудь совершенно ужасную страну, в Ньон или в Джотанду, и ей придётся изучать местный язык и местные обычаи, и привыкать к ним...

Это осознание, кажется, чуть не лишило её мужества.

«Зато живая!..» – стиснув зубы, напомнила она самой себе, вцепившись в фальшборт так, что ногти завязли во влажной податливой древесине.

«Ещё вчера даже на монастырь была согласна!.. – с насмешливой язвительностью напомнила она себе, стирая с щёк слёзы резким движением и морщась на запах забившейся под ногти древесины. – А теперь плачешься, что не знаешь, в какой стране будешь жить?»

По крайней мере, какой бы эта страна ни оказалась, – она будет жить при ниййском посольстве, а это гарантирует ей и окружение привычной культурой, и достойный уровень жизни. Возможно, даже лучше, чем был у неё раньше – где

Торкийский замок на отшибе королевства, и где посольство в столице!

«Нет, мне всё-таки несказанно повезло, – завершила свои размышления принцесса выводом, – что ниййский посол как раз уезжал, что он оказался близок мне по статусу и холост, и что он согласился взять меня в жёны». Скажем, будь он уже женатым – может, и согласился бы помочь с побегом, но что дальше? Всю жизнь бегать, опасаясь поисков райанского короля? Жить приживалкой, из милости – принцесса совершенно не представляла себе, как она могла бы зарабатывать на жизнь, потому что, по её скромному мнению, она совершенно ничего не умела? Или, хуже того, стать чей-то не слишком тайной любовницей?

Конечно, ещё несколько дней назад она была согласна и на любовницу, и на приживалку, лишь бы сбежать и выжить. Но теперь, когда всё сложилось, как сложилось, мысль о такой незавидной участи вызывала в ней отвращение, страх и стыд – особенно мучительный стыд от того, что она действительно была готова и на это.

«Нет, я всё-таки счастливица, – отбросила все свои дурацкие сомнения Лоя. – Да и человек, кажется, хороший...»

Она невольно оглянулась в поисках этого хорошего человека – и со смущением осознала, что он стоит неподалёку и весьма пристально и демонстративно разглядывает берег.

Он подошёл уже давно, но, заметив, что принцесса ушла в себя, из деликатности тут же отвернулся. Мысли его были

заняты тревогой за друзей, которые, должно быть, ещё и половину пути до порта не проделали, а, когда доедут, будут вынуждены искать подходящий корабль. Это было досадно, но у него совсем не имелось времени бегать и договариваться самому – у него даже не нашлось возможности пройтись до нийского торгового дома, и теперь он жалел, что не догадался подготовить и отправить туда хотя бы записку.

Однако все эти сожаления не увлекли его настолько, чтобы не заметить тот момент, когда Лоя отвлеклась от собственных размышлений и бросила на него взгляд.

– Ваше высочество, – мгновенно переключился он, оборачиваясь к ней и протягивая руку. – Позвольте вас проводить!

– Благодарю, – сдержанно кивнула она, принимая руку.

Он отметил, что впервые за всё это время пальцы у неё тёплые. А ещё – что, несмотря на крайнюю степень усталости, помятый мужской костюм, убранные в чуть растрёпанную косу сальные волосы, она держит себя с королевским достоинством и выглядит настоящей принцессой. Он невольно дёрнулся, выпрямляя спину, – перегруженные длительной верховой ездой мышцы явно были против, и он удивился, как она ещё держится, ведь и у неё всё тело должно ныть и болеть.

«Вот это женщина!» – подумал он с восхищением.

Лоя же уже ни о чём не думала. Она сосредоточилась на том, чтобы дойти до каюты, учтиво поблагодарить, закрыть дверь и рухнуть на койку.

Отрубилась она сразу же, как легла, совершенно проигнорировав ноющие мышцы, качку и сотни панических мыслей, которые она так и не успела обдумать толком.

...следующие три дня прошли для этих нелюбителей путешествий в тяжёлой борьбе с морской болезнью. Единственный разговор, который состоялся между ними за это время, свёлся к «Корабль?! Никогда больше!»

Они оба впервые вышли в море – сюда Берт добирался сухопутным путём – и оба сочли этот опыт крайне неприятным.

Впрочем, через три дня и организм немного привык к качке, и случилось другое радостное событие – следующий каботажем корабль добрался до нийского побережья. Воодушевлённая Лоя даже решила сойти на берег и, наконец, хорошенько отмыться и прикупить платье. Оно, правда, оказалось слишком скромным не только для принцессы, но даже и для жены посла, но привередничать не приходилось, среди готовых платьев в мелком портовом городишке выбрать было особо не из чего.

Надо сказать, что чистые вымытые волосы сразу подняли настроение Лои до заоблачных высот и даже примирили её с необходимостью морского путешествия. Она, впрочем, решила уточнить у Берта, долго ли им плыть, и получила такой ответ:

– Смотрите, теоретически, мы можем сойти и сейчас, но тогда до столицы нам придётся добираться снова верхом,

нормальных дорог тут нет, все двигаются по морю, – объяснил он. – Либо ещё четыре дня по морю, и там из порта будет тракт до столицы, можно будет уже и в экипаже.

Лоля содрогнулась всем телом, вспомнив недавний опыт путешествия верхом.

– Нет уж, лучше корабль! – незамедлительно выбрала она, а потом со смешком добавила, припомнив его же слова: – Вот уж правда, три оттенка ненависти!

– Ну, зато, самая тяжёлая часть уже позади! – ободряюще отметил он, поскольку вторая часть морского пути должна была пройти легче, а уж путешествие в экипаже всяко комфортнее суточных верховых забегов.

– Да уж, – мертвенным голосом согласилась она, невольно вновь с головой окунаясь в кошмар, который только-только начал её отпускать.

Он догадался, о чём она думает, поскольку она вновь превратилась в ту идеально-застывшую леди, которая явилась к нему в посольство; и даже пальцы её вновь замерил в идеально-деревянном положении.

– Ваше высочество! – он осторожным вкрадчивым жестом, чтобы не напугать, взял её за плечи и развернул к себе лицом в попытках поймать взгляд. – Всё закончилось, – взгляд её, пустой и спокойный, упёрся ему в лоб. – Вы в безопасности, – как можно более уверенным тоном заверил он её, отпуская, но не отходя.

Она несколько раз сморгнула; наконец, перевела взгляд

ниже и встретила с ним глазами.

– Лоя, – тихо сказала она и, заметив его недоумение, пояснила: – Я думаю, будет уместно, если вы будете звать меня по имени, а не вашим высочеством, ведь так?

Он улыбнулся задорно и внёс встречное предложение:

– Тогда и вы зовите меня Бертом.

Секунд пять она смотрела на него с глубоким, искренним изумлением, а потом не выдержала и рассмеялась.

– Что такое?.. – удивился он, поскольку, казалось бы, переход на неформальное обращение должен был быть взаимным, поэтому в его предложении не было ничего смешного.

– Я... – сквозь смех попыталась выговорить она, но не преуспела.

Наконец, справившись с весельем, чуть прикусила губу, взглянула на него живыми озорными глазами и призналась:

– А я, представляете, я ведь не знала, как вас зовут.

Он замер на секунду, переваривая эту информацию, затем удивлённо отметил:

– Но ведь на венчании...

– Я слишком нервничала и не слушала, – смущённо призналась она.

– Боже! – рассмеялся он. – А мне-то казалось, что вы внимаете каждому слову с такой серьёзной сосредоточенностью!

Губы её задрожали от сдерживаемого смеха.

– Я пыталась, – поделилась она, – но мысли всё время ускользали...

– Неудивительно, – серьёзно кивнул он и официальным тоном представился по полной форме: – Бертан А-Нартэ, граф Вирольский, полномочный посол Ниии в... – тут он осознал, что произносимая машинально фраза несколько устарела, поэтому быстро поправился: – Пока неизвестно, где, но не в Райанци и не в Ньоне точно.

Это дополнение вызвало у неё живое любопытство. Стрельнув в него живым открытым взглядом, она уточнила:

– А почему точно не в Ньоне?

Он изобразил лицом вселенский ужас и замогильным голосом ответил:

– Никогда больше!.. Мне прошлого раза хватило! – и выразительно перекрестился.

Она счастливо рассмеялась. Ей тоже совсем не хотелось в Ньон, и было очень радостно понимать, что в этом их взгляды тоже сошлись.

Возможно, они сходятся и насчёт Джотанды тоже – и его будущее место службы придётся по вкусу и ей?

Глава пятая

После таких альтернатив, как корабль и верховая езда, путешествие в экипаже обоим спутникам показалось в высшей степени комфортным – хотя до этого оба они относили его к самым неприятным впечатлениям своей жизни.

«Всё познаётся в сравнении!» – философски размышляла Лоя. Хотя экипаж и трясло, его трясло куда меньше, чем её саму, когда она ехала в седле; и это раньше она думала, что в поездке сильно качает – после корабля стало ясно, что качает вполне себе терпимо.

Берт сравнениями не занимался. Он размышлял о том, как будет объясняться с братом. Украсть чужеземную принцессу и жениться на ней – это одно, уладить дипломатический скандал, который после этого неизбежен, – совсем другое.

Отчаянно не хватало информации: чтобы планировать дальнейшие ходы, требовалось проанализировать реакцию райанского короля и те действия, которые он предпринял, обнаружив пропажу.

По идее, если райанская внутренняя разведка след беглянки потеряла, то можно было выйти из воды сухими и заявить, что никакой принцессы они и не видели, и знать не знали. Отправиться на службу куда-нибудь в Мариан, а лучше в Даркию, там представить жену как нийку с райански-

ми корнями – и всё, и кто её там узнает в лицо? Поддельных родственников организовать не проблема, спрятать концы в искусно подделанных документах...

С другой стороны, принцесса из старшей ветви Се-Ролов могла стать политическим козырем. Мало ли, как сложатся дела у младшей ветви – глядишь, в какой-то момент именно дети или внуки принцессы станут основными претендентами на райанский престол. Сбрасывать со счетов такой аргумент точно не стоило, и Берт был почти уверен, что брат не захочет скрывать личность принцессы.

Но, если признать, что пропажа у них, то политический скандал неизбежен.

Самым разумным со стороны брата было бы дистанцироваться от этого решения – мол, я знать не знал, ведать не ведал, что там мой с ума сошедший родственничек учудил. Кошмар, кошмар! Всячески осуждаю и всей душой негодную, но что ж теперь поделаешь, если священные узы брака были заключены пред лицом Господа?

Дальше следовало бы разыграть тщательно выверенный гнев и отправить их с Лоей куда-нибудь в ссылку. Лет на пять, пока скандал не покроется слоями пыли и забвения – как раз успеют детишек завести! – а там, глядишь, можно и вернуться на службу, куда-нибудь в тот же Мариан. Подальше от райанского короля, главное.

В целом, Берт посчитал этот сценарий самым жизнеспособным – возможно, королевский совет предложит интерес-

ные альтернативы, но Берта вполне устраивал и такой.

Оставалось понять, как к таким перспективам относится свежеиспечённая жена – но Берт справедливо предполагал, что капризничать она не станет.

Кажется, пустые капризы и вовсе не были ей свойственны.

Тут Берт решил, что теперь хороший момент рассмотреть жену получше – до этого в суматохе он успевал углядеть лишь отдельные бросающиеся в глаза черты, а теперь они сидели в экипаже друг напротив друга. Чтобы не смущать Люю, он сделал вид, что смотрит в окно, а сам обратился к боковому зрению.

В принцессе, определённо, смутно угадывались родовые черты: глаза отчётливо отливали синевой, тёмные волосы, брови и ресницы контрастировали с бледной незагоревшей кожей. Впрочем, на этом её сходство как с прошлым, так и с нынешним королём заканчивалось, и Берт бы нипочём не догадался, что она из Се-Ролов, если бы не знал того наверняка.

Ещё Берт отметил, что безразлично-спокойное выражение лица принцессу не красит: она казалась так инфантильной дурочкой. Было неясно, предписывает ли такое выражение лица ей этикет, является ли оно выработанной привычкой или защищает от смущения и неловкости – но, как он успел заметить, в минуты оживлённого разговора она становится куда как симпатичнее, а уж в смешливом настроении и вовсе превращается в красавицу.

Обычно Берт наблюдал прямо противоположные преобразования: леди, изысканно красивые с застывшим безразличным лицом, становились некрасивы, демонстрируя эмоции и особенно – смеясь.

Словно вторя его мыслям, принцесса вдруг улыбнулась самыми краешками губ – сразу тем добавляя себе пару очков красоты – и весело сказала:

– Да смотрите уж прямо, чего там!

Берт отчаянно смутился; он был уверен, что она в самом деле разглядывает пейзаж за окнами, и для него явилось большой неожиданностью, что его самого сейчас точно так же рассматривают боковым зрением.

– Рассматривать прямо как-то неловко, – повинился он.

Они всё-таки встретились взглядами; она прыснула от смеха, затем тряхнула головой и закрыла глаза:

– Ну вот, видите, я не смотрю! Теперь можете спокойно разглядывать!

Он вроде бы уже всё рассмотрел, но решил воспользоваться моментом: смотреть прямо было всё же удобнее.

Из-за того, что теперь ей было весело, и веселье это находило выход в чуть сморщенных уголках рта и капельку – в сведённых бровях, выражение лица её совсем переменялось, и она ничуть больше не напоминала глупышку.

Рассматривать её мимику ему было гораздо интереснее, чем собственно черты лица, поэтому он заметил, как чуть дёрнулся в приоткрываемой улыбке рот, тут же вернулся в

прежнее положение, капельку прищурились уголки глаз – и тут же расслабились, и ощутимо задрожали ресницы...

«Ага! – уличил её Берт. – Когда глаза прикрыты плотно, ресницы не дрожат!»

– Вы подглядываете! – совсем не возмущённо, а скорее восхищённо воскликнул он, потому что не видел смысла скрывать, что разгадал её маленькую хитрость.

Она рассмеялась теперь уже открыто – явно сдерживалась из последних сил – он рассмеялся тоже.

– Поздно спохватились! – поддразнила его Лоя. – Рассматривать нужно было до того, как женились!

– Ну, тогда мне было не до того! – отмахнулся Берт. – А теперь не грех и порассматривать, а то хорош я буду, если спутаю свою собственную жену с кем-то другим только из-за того, что не удосужился её хорошенько рассмотреть!

Нарисовав на лице пафосное выражение – которое тоже ей совсем не шло, но выглядело весьма комично, – Лоя ответила:

– Не переживайте, я вас сама найду!

– Почему это прозвучало как угроза? – насмешливо выгнул он бровь.

Она смешалась.

– Простите, – опустила глаза.

Он с опозданием понял, что принцессе, очевидно, не на ком было оттачивать искусство светского флирта, потому что она жила вдали от столичного высшего общества.

– Я просто вас поддразнил, Лоя, – поспешил объясниться он, и тут же добавил: – Мне нравится с вами флиртовать.

Она подняла на него удивлённый взгляд.

– Флиртовать?.. – переспросила было, но вдруг просияла, и эта рвущаяся наружу радость тут же превратила её в красавицу, от которой невозможно отвести глаз.

– Я раньше не флиртовала, – легко призналась она, хотя он и сам уже догадался об этом факте. Тут же обеспокоенно переспросила: – Это очень заметно, да?

Он улыбнулся, любуясь ею и не скрывая этого.

– Заметно, – не стал врать он, но сразу же попытался и ободрить её: – Но вам очень идёт эта лёгкая неловкость. Не переживайте.

Она смущённо опустила ресницы; затем лукаво стрельнула в него взглядом – явно нарочно – и столь же нарочно, рисуясь, наклонила голову и медленно улыбнулась, снова опуская ресницы, но блестя из-под них хитрыми глазами.

– Bravo! – он одобрительно хлопнул в ладоши, отдавая дань восхищения этому манёвру, и с живым любопытством переспросил: – Не могу поверить, что вы делаете это впервые! Признайтесь, вы кокетничали!

Лицо её сделалось донельзя довольным; с победительным смешком она раскрыла тайну:

– Зеркало!

Рассмеялись они уже хором.

– Как вы только умудрились до сих пор не вскружить ни-

кому голову? – искренне удивился он.

Сколько он помнил, принцессе должно было быть уже больше двадцати, и он не видел ни одной разумной причины, как она умудрилась до сих пор не выйти замуж – разве что, не просто было найти жениха подходящего уровня? Но ведь Лоя никогда не была наследницей престола, её могли отдать и за простого дворянина.

– Мне всегда казалось, – смущённо принялась объяснять она, – что нечестно заигрывать с мужчиной, если не собираешься за него замуж.

Он отобразил лицом любопытство, побуждая продолжать.

– Ах! – она всплеснула руками и смущённо предупредила: – Это звучит ужасно самоуверенно, я знаю, но... но меня и вправду это беспокоило! – с глубоким чувством подчеркнула она. – Вдруг я бы вот так... – она снова изобразила череду кокетливых гримасок, которые весьма ей шли. – И кто-нибудь бы влюбился...

Он с любопытством отметил, что её смущение опять нашло выход в повышенном самоконтроле: она аккуратно положила руки на колени, заставив их изящно замереть, и голос у неё стал ровный, хорошо поставленный, когда она закончила свою мысль:

– И я бы разбила кому-нибудь сердце. Это было бы ужасно! – а здесь всё вырвалось наружу чувство горечи, и она, вздёрнув подбородок, устремила взгляд в окно, пытаясь успокоить саму себя.

Берт был весьма впечатлѐн её позицией. Сколько он встречал в свете женщин, все они как раз и хотели разбивать мужские сердца, искренне наслаждались своими победами и делали всё для того, чтобы заманить в свои сети каждого, кто попадал в их поле зрения. Просто на всякий случай.

Лоя восхищала его тем глубже, чем больше он её узнавал – и сердце его немного сбилось с ровного стука при мысли, что впереди у него ещё много не менее интересных открытий, потому что принцесса, определѐнно, оказалась человеком нетривиальным.

– Полагаю, – с ласковым весельем в голосе отметил он, – со мной вы флиртовать можете столько, сколько вам захочется, поскольку, как женщина честная, вы уже взяли меня в мужья.

Ещё на середины его фразы она перевела взгляд на него, и теперь её удивлѐнно распахнутые глаза казались ему особенно выразительными, а плескавшееся в них изумление – особенно приятным.

– Боже мой! – вдруг воскликнула она, прикрывая это плескавшееся в синеве её глаз удивление ладошкой. – Я, кажется, совсем сейчас умру от смущения!

Видневшиеся из-за ладошки щѐки, и впрямь, заметно покраснели.

– Если только немножко, – «разрешил» он, наклоняясь вперѐд и беря её свободную руку в свои – ладонь её сперва дрогнула, но потом она согласно сжала свои пальчики на его,

а потом и вовсе отняла вторую ладонь от лица и тоже отдала её ему. – Потому что поздно смущаться, Лоя, – с лукавой улыбкой припомнил он ей её же слова. – Это нужно было делать до того, как мы поженились.

Глава шестая

Тема внезапности их брака явно была для Лои весьма болезненной. Она совершенно застыла и, пристально рассматривая его и свои руки, спокойным отстранённым голосом сказала:

– Простите. Я создала вам так много проблем!

На секунду он замялся, поскольку она была права, и брак с нею действительно создавал серьёзную проблему, но ему не хотелось этого заявлять прямо, поскольку она явно и без того чувствовала себя виноватой.

Заверять её в том, что нет, ничего подобного, никаких проблем нет, и что ей не о чем переживать, было бы фальшиво и жалко; она была достаточно умна, чтобы почувствовать эту фальшь, а ему хотелось по-настоящему утешить её, а не отмахнуться пустыми фразами.

Чуть подумав, он отметил:

– Посмотрите на это с другого ракурса, Лоя. Вы сделали мне предложение, которое я счёл интересным, – сформулировал он. – И это я посчитал сопряжённые с его принятием проблемы приемлемой платой.

Она вскинула на него удивлённые глаза; покраснела и снова опустила взгляд.

Она не могла принять такую благородную трактовку ситуации, потому что её совесть делала ей явственный укор.

Больше всего ей сейчас хотелось проигнорировать этот голос совести, забыть те факты, которые противоречили его версии и самой поверить, что всё действительно было так. Но именно то, что он всё это время был к ней так добр, вынуждало её к откровенности – она не смогла бы спокойно жить с тем, что соврала ему.

Признание далось ей непросто.

Уставив взгляд на костяшку большого пальца его правой руки, она тихо произнесла:

– Я надеялась скрыть от вас, что я принцесса.

Она справедливо предполагала, что едва ли незнакомый нийский посол решится пойти на конфликт с райанским королём из-за девицы, которую видит впервые в жизни. Лоя надеялась, что он примет её за обычную дворянку, которая бежит от договорного брака, устроенного её родителями; у неё даже была составлена подходящая легенда, подобраны кандидаты и в «родители», и в «женихи».

Теперь ей было нестерпимо стыдно – именно потому стыдно, что он спас её, даже зная, на что именно идёт. И ей было мучительно представлять, как бы она себя чувствовала, если бы обман её удался, и он только много позже узнал о её настоящем статусе.

– Ну, вполне разумный ход, – вдруг высказался в поддержку её обмана Берт и добавил: – Проницательного человека вам провести не удалось бы, но вы ведь меня не знали, так что могли предполагать, что у вас этот фокус выйдет.

Она отважилась вскинуть на него взгляд – на лице его не было заметно ни следов осуждения, ни оскорблённости или возмущения.

– Смотрите, – деловитым голосом принялся объяснять он, перехватывая её руки поудобнее и поглаживая её пальцы своими, – если бы вы не были принцессой, вы не были бы так зациклены на варианте с замужеством, потому что вам не нужна была бы настолько непоколебимая защита от родительских притязаний. Как бы они нашли вас в Ниии? – он пожал плечами. – Вы могли бы в таком случае просить у меня пристроить вас там, хотя бы гувернанткой со знанием райанского, например, – она мимолётно улыбнулась, потому что такой вариант даже не пришёл ей в голову. – В конце концов, – продолжил он, – леди, попавшая в такое положение, могла просить найти ей... покровителя, – замялся он, пытаясь выразить мысль более куртуазно.

Поскольку устроить выгодный брак сбежавшей от родителей бесприданнице было бы, в самом деле, совершенно невозможно, логично было предположить, что оказавшаяся в подобном положении дама искала бы либо способа самой зарабатывать на жизнь каким-нибудь достойной благородной леди способом, либо – мужчину, готово содержать её в обмен на ни к чему не обязывающую приятную связь. Просьба взять её в жены, определённо, не вписывалась в такую концепцию и говорила о том, что у леди есть обстоятельства, которые лишают её иных альтернатив, – именно это

явное отсутствие альтернатив и позволило Берту вычислить, что за девушка к нему пришла.

Хотя Берт высказывал всё это, чтобы успокоить её – и объяснить ей, что её попытка обмана была естественной, но изначально обречённой на поражение, и он всё равно так и так узнал бы, что она принцесса, – вместо того, чтобы успокоиться, она совсем сжалась и отобрала у него свои руки.

– Лоя? – с тревогой переспросил он, и в голосе его слышалось заметное огорчение: – Я вас... обидел?

«Конечно, обидел! – тут же раздражённо попенял он сам себе. – Вот зачем тебе потребовалось добавлять про поиск любовника? Хватило бы версии с гувернанткой!»

Он почувствовал острое недовольство собой, недовольство профессионального толка: как дипломат он совершил непростительный промах. Ему так хотелось пересказать Лое всю цепочку тех рассуждений, которые пронесли у него в голове во время их первой встречи, что он позабыл о необходимости оставить при себе те части этих рассуждений, которые могли бы задеть её чувства.

Она не отвечала; аккуратно сложив руки на коленях, она тупым неподвижным взглядом смотрела в окно. Он уже успел понять, что неподвижность такого рода свойственна ей в моменты, когда эмоции её слишком сильны, поэтому предпочёл просто подождать, пока она овладеет собой и сама захочет вернуться к разговору – или, если ей будет того угодно, просто переведёт тему.

Три или четыре минуты они ехали в тишине; потом она равнодушным, но чётким и хорошо поставленным голосом произнесла, всё так же гипнотизируя окно:

– Если бы вы отказали мне в браке, я бы предложила себя... в любовницы... – голос её всё чуть дрогнул на этом слове, но она заставила себя проговорить его чётко и ровно.

Сердце его сжалось от жалости – как тогда, когда она отчаянно и лихорадочно перечисляла ему свои качества хорошей жены. Ему даже представлять не хотелось, что было бы, если бы она дошла до перечислений своих качеств любовницы – слишком мучительно было осознавать, в каком отчаянии она находилась.

Берт и в целом был склонен сочувствовать людям, попавшим в беду, и имел репутацию человека с добрым сердцем. Ему тяжело давалась необходимость отказывать кому бы то ни было в помощи – хотя он и научился это делать по службе. Лоя и тогда, в первый момент, вызывала у него глубокое сочувствие, – теперь же, когда он узнал её ближе и успел восхититься её сильным характером, упорством и умом, ему ещё более было представлять, через что она прошла.

– Лишь бы уехать, – тихо проговорила Лоя. – Я согласилась бы на любые ваши условия, лишь бы вы меня увезли.

Голос её был совершенно ровным, но он видел, что ей с трудом удаётся совладать с дыханием, и что пальцы её чуть ощутимо дрожат.

– Вы находились в страшном положении, – попытался

ободрить он её, – но справились с ним мужественно и решительно.

– Мужественно? – тонко переспросила она и возразила: – Я ужасная трусиха! – самообладание её, кажется, дало значительную трещину, потому что голос потерял ровность и чёткость, и она лихорадочно добавила: – Вы не видели, как я дрожала от страха под дверями вашего посольства и не решалась позвонить! – она зябко обхватила себя руками, и та дрожь, о которой она только что говорила, овладела её телом и теперь. – Я... – голос её совсем сорвался. – Когда ваш слуга сказал, что вы не принимаете... я... – она часто заморгала, но это не помогло – по щекам её покатились первая слезинка.

Берт чувствовал себя совершенно бессильным перед её состоянием.

– Господи, ну что же вы... – растерянно пробормотал он, перебрался на её сидение и крепко обнял.

Объятия эти, которые так ярко свидетельствовали о его сочувствии, лишили Лою последних сил; ей сделалось совсем уж жалко себя, и она разрыдалась.

Все эти дни она мужественно сдерживала себя, не позволяла страху и отчаянию овладеть ею; она говорила себе раз за разом: «Мне нужно сделать ещё рывок. Я не могу сейчас предаваться эмоциям. Я должна крепиться». И у неё вполне получалось – обуздывать эмоции, брать себя в руки и делать то, что должно было сделать, чтобы спастись.

Теперь, когда она была, наконец, в Ниини, в статусе замуж-

ней дамы, и муж её был человеком, от которого райанский король не смог бы просто так отмахнуться; теперь, когда всё самое сложное, страшное, стыдное осталось позади; теперь, когда она начала чувствовать себя по-настоящему в безопасности – эмоции вырвались наружу, и она заново пережила тот страшный день, который начался для неё с побега через окно.

Страх, отчаяние и стыд поднялись со дна её души, куда она решительно их затолкала, поскольку они мешали ей действовать; и теперь она могла только плакать, не в силах совладать с глубокими эмоциями, которые захватили её с головой.

Но в этом разрушительном водовороте эмоций было кое-что, что отличало нынешний день от того, страшного: был человек рядом, который обнимал, понимал и утешал.

Когда истерика стала отступать, Лое стало стыдно перед ним за этот всплеск.

«Что он теперь обо мне подумает?» – с тоской вопрошала себя она, вжимаясь в его плечо в попытках отсрочить момент возвращения к разговору.

Она уже не плакала – сил плакать не осталось, да и слёзы закончились, – но с каждой секундой ей становилось всё более неловко и страшно. Ей хотелось показывать себя перед ним с лучших сторон – потому что она была глубоко и искренне благодарна ему. Теперь же она испугалась, что ему было досадно, неприятно и противно быть свидетелем её ис-

терики, а она буквально вынудила его пройти через это, потому что куда бы он делся во время поездки, в этом тесном экипаже?

Нужно было бы хотя бы сейчас начать вести себя достойно и оторваться от него... но, уже приняв решение выпрямиться и извиниться, она неожиданно для самой себя вжалась в него ещё крепче – потому что посмотреть теперь на него ей было слишком страшно.

Она не услышала, но почувствовала, что он вздохнул; но прежде, чем она успела окончательно устыдиться, он начал гладить её по волосам со словами:

– Всё уже позади, милая. Всё это уже позади.

Она удивлённо замерла под его рукой, вслушиваясь в тёплый добрый голос.

– Ты со всем справилась, – продолжил он, и она почувствовала, как он поцеловал её в макушку, – у тебя всё получилось, и теперь ты в безопасности.

Страх и стыд стали потихоньку отступать от неё; как от его тела исходило тепло, которое согревало её озябшие руки – она всегда начинала мёрзнуть, когда нервничала, – так тепло от его голоса касалось её души, ласкало её согревающими волнами, несло покой и умиротворение.

Она переменила положение; руки, которыми раньше она цеплялась за его жилет, переместились выше; она обняла его за шею, но всё ещё утыкалось лицом в его плечо, боясь поднять взгляд – сейчас его лицо оказалось бы совсем рядом.

Ей хотелось его поцеловать теперь, но она никогда не целовалась раньше, смутно представляла себе, как это сделать, и боялась быть навязчивой.

Ему тоже хотелось поцеловать её, но он переживал, что слишком торопит события, и что ей сейчас это будет неприятно, и что было бы дурно сближаться с нею в тот момент, когда она растерзана своей истерикой и совершенно беззащитна.

Поэтому они оба просто сидели так и мечтали о поцелуях.

Глава седьмая

Слишком эмоциональная сцена смутила обоих. Они так и промолчали до следующей остановки, а, вернувшись, снова сели друг напротив друга и сделали вид, что ничего такого не было.

Лое было слишком неловко за свою истерику; там, дома, если эмоции порой и застилали её разум, она уединялась и давала им выход наедине с собой. Со времён детства никто и никогда не был свидетелем её эмоциональных вспышек, и ей было особенно досадно, что именно Берт видел её в таком состоянии – потому что ей очень хотелось продемонстрировать ему лучшие стороны своего характера, а никак не такие вот срывы.

Берт, в свою очередь, чувствовал, что ей неловко, и пытался эту неловкость сгладить. Он легко завёл непринуждённый разговор на отвлечённую тему – и вскоре все тревожные Лои были забыты.

Они легко обнаружили сходство, которое их чрезвычайно роднило. Их привлекала и интересовала сама жизнь, им было интересно наблюдать и за людьми, и за природой, анализировать свои наблюдения, составлять на их основе концепции. Они оба любили читать – но не для того, чтобы уходить с головой в книжные миры, а для того, чтобы с помощью книг больше узнавать о жизни и людях. Им обоим бы-

ла свойственна наблюдательность – она тоже росла из этого интереса к жизни.

Почти сразу они обнаружили, что что-то в их наблюдениях и выводах сходится (такие случаи отзывались у каждого в душе необычным теплом), а что-то – нет (а здесь у них возникало горячее любопытство: почему так?) Оказалось, что они могут обсуждать всё на свете – потому что всё на свете им обоим было интересно, и ещё интереснее оказалось узнавать, в чём сходство и различие их взглядов.

В итоге весь путь до столицы прошёл в самых разнообразных беседах – и эти нелюбители путешествий даже не заметили, как летит время.

В столице у Берта не было своего дома, и он планировал разместиться в летней резиденции короля – но там-то ждали только его одного, и резиденция короля не была тем местом, куда можно было просто привести с собой жену. Оставлять Лою где-то в одиночестве не казалось Берту допустимым вариантом, поэтому он решил сперва отправиться в дипломатический корпус. Он был достаточно обширен и предоставлял пусть скромные, но вполне приличные временные комнаты не только для своих сотрудников, но и для их семей.

Кроме того, в дипломатическом корпусе должен был находиться непосредственный начальник Берта, которому так и так нужно было сделать доклад.

Посему, отправив секретаря устраивать Лою, Берт устремился к кабинету главы дипломатического корпуса, прихва-

тив бумаги с отчётами, написанные ещё в Ниии.

Начальник, к счастью, обнаружился на месте.

– А-Нартэ? – в его удивлённом голосе слышался оттенок тревоги. – Что-то ты рано!

Берта ждали не раньше, чем через неделю, и столь поспешный приезд ярко сигнализировал о возникших непредвиденных обстоятельствах.

– По рабочему направлению ничего нового, – Берт сгрудил отчёт на стол, имея в виду, что со времени его последнего донесения в работе нийского посольства в Райанци не случилось ничего неожиданного. – Но как частное лицо я крепко влип: украл райанскую принцессу. Она сейчас здесь, – поспешно добавил он и уточнил: – И мы обвенчались.

Глава дипломатического корпуса был привычен и не к таким происшествиям, поэтому сухо уточнил:

– Которая из?.. – поскольку в Райанци было несколько принцесс.

– Лойэринда Торкийская, – уточнил Берт.

Начальник три раза медленно моргнул, вспоминая информацию о принцессе и делая выводы, потом резюмировал:

– Ну, с этим сдавайся Его Величеству, пусть у него голова болит. – После чего пододвинул к себе отчёт и добавил: – Постараюсь добиться аудиенции сегодня, случай выдающийся, конечно, – язвительное окончание фразы было единственной эмоцией, которую он себе позволил. – Иду, приводи себя в порядок! – досадливым жестом усрал он Берта наружу.

Тот отправился на поиски супруги, кою быстро обнаружил в одной из гостевых комнат, где она чувствовала себя не слишком комфортно. У неё не было вещей, чтобы их разобрать; у неё не было ни горничной, ни подходящего её статусу наряда, чтобы привести себя в порядок; она никого тут не знала и не представляла себе, как хотя бы помыться – и где взять чистую одежду.

Она, впрочем, попыталась найти себе хотя бы видимость занятия: стояла и смотрела в окно. Оттуда, по крайней мере, было видно достаточно оживлённую улицу.

– Ну! – оптимистичным тоном отвлёк её от грустных размышлений Берт, входя. – Здесь меня не убили, так что осталось лишь договориться с Его Величеством!..

– А Его Величество?.. – обеспокоенно повернулась к нему Лоя, не скрывая своей тревоги.

Она совсем не знала нийского короля и не представляла себе, каковы могут быть его реакции.

Берт пораскачивался с пятки на носок. Хотелось заверить её, что ей нечего опасаться, но он сам тревожился по поводу реакции своего венценосного брата. У них, правда, были весьма неплохие отношения – король не только оказывал незаконному родственнику покровительство, но и выстраивал с ним неформальное, даже фамильярное общение. Но у любой приязни такого рода есть свои границы, и Берт справедливо полагал, что в этот раз отмеренные ему границы пересёк, и это неизбежно будет отмечено ответными санкция-

ми.

– Я полагаю, – осторожно сформулировал он свои мысли, – нам будут грозить официальное выражение королевского гнева и ссылка.

– Звучит нестрашно, – откликнулась Лоя, которую ни выражение гнева, ни ссылка совершенно не пугали – в отличие от возможного возвращения на родину.

– Да и не должно быть ничего страшного, – махнул рукой Берт. – Тут вопрос политический, Лоя. Вам лично, полагаю, вообще опасаться нечего, – уверенно заявил он.

– А вам? – с тревогой переспросила она, сделав шаг от окна к нему.

Он улыбнулся и пожал плечами:

– Мне, должно быть, достанется за самоуправство, но, надеюсь, не сильно. – Заметив, что она огорчилась от этих слов, он поспешно добавил: – Я рассчитываю на... человеческое понимание, скажем так.

Она стиснула пальцы и опустила глаза. Через несколько секунд, совладав со стыдом и неловкостью, подняла на него взгляд и твёрдо сказала:

– Мне нечем отплатить вам за вашу доброту ко мне. Но я хочу, чтобы вы знали, – она приблизилась к нему ещё на шаг, – что я умею быть благодарной, и что я не забываю добра.

Эти слова, впрочем, очень мало отражали её чувства – потому что чувств этих было гораздо больше, чем она умела

выразить словами. Глубокая благодарность к нему переплеталась в её сердце с восхищением его добротой и благородством; она чувствовала в себе решимость всегда быть верной ему – не только как жена, но и как соратник, как человек, на которого он всегда может положиться. Она не знала, как сказать обо всём, что происходило в её душе, и её очень мучила мысль, что он сочтёт её неблагодарной или принимающей его помощь ей как должное.

– От принцесс ожидают эгоизма, – продолжила она, пытаюсь всё-таки высказать хоть что-то, – но, поверьте, я не считаю, что мир вертится вокруг меня. Вы не обязаны были помогать мне, – она вздёрнула подбородок, словно возражая тому, что он мог подумать, – и тем более не обязаны были относиться ко мне с такой... чуткостью, – выразила она то, что особенно её трогало. – Вы необыкновенный человек, и мне редчайшим образом повезло... – голос её дрогнул, она упустила мысль и перебила саму себя: – Я буду всю жизнь благодарить Господа за эту милость. – Испугавшись, что он не вполне поймёт её мысль, дополнила: – За то, что Он направил меня именно к вам.

Берт был чрезвычайно смущён её словами. Он, пожалуй, и сам был весьма доволен собой и тем, как повёл себя в этой сложной и драматичной ситуации, – но услышать со стороны признание того, что его поведение чрезвычайно достойно, было особенно приятно. И, чего уж греха таить, особенно приятно было знать, что Лоя замечает и ценит его усилия.

– Вы меня смутили, – не стал скрывать он, – но это весьма приятное смущение.

Она несмело улыбнулась, радуясь, что ей удалось хоть немного выразить свою благодарность.

– Но, полагаю, – продолжил, меж тем, он, подходя к ней, – благодарность Господу мы будем слать вместе. Потому что, – он нежным аккуратным жестом взял её руки в свои, – я тоже весьма Ему благодарен за то, что Он направил вас ко мне.

Улыбка завладела всем её лицом, светясь всё ярче и в глазах, и в мимике. Оказавшись в положении, когда мужчина вынужден был на ней жениться, чтобы спасти её, она теперь переживала, что этот брак будет ему в тягость, и что она будет себя чувствовать досадной помехой в его жизни. Убеждаться в том, что Берт отнюдь не жалеет об этом браке, и даже считает, что ему повезло с ней, было неизмеримо радостно.

Полюбовавшись её сияющим лицом, он подался к ней и тихо поцеловал её в висок.

Она незамедлительно залилась румянцем; пальцы её сжались на его ладонях.

Они встретились глазами – смущёнными и радостными – и она, осознав, что он отдаёт ей право решать, готова ли она или нет к дальнейшему сближению, сама подалась к нему, устремившись губами к его губам.

Так и держась за руки, они поцеловались осторожно и нежно, пытаясь этим выразить то, как драгоценны для них

эти неожиданные отношения.

Сердце у неё забилось быстро-быстро – она совсем не ожидала, что целоваться будет так приятно, – и она, мягко скользнув ладонями по его рукам вверх, обняла его за шею и спрятала лицо у него на груди. Прикрыв глаза, он прижал её к себе крепче, чувствуя тёплое, нежное счастье от этой почти невинной близости.

Глава восьмая

Его Величество, и впрямь, был так обеспокоен свалившимися на него новостями, что тотчас назначил аудиенцию, отменив вечерний музыкальный салон, на котором должен был присутствовать в этот день. Так что Берт едва успел привести себя в порядок с дороги – парадный сюртук пришлось и вовсе позаимствовать у коллег – как глава дипломатического корпуса увёз его в летнюю резиденцию.

Король принял их обоих сразу – в конце концов, как бы ни хотел главный дипломат страны остаться в стороне от этого скользкого дела, самоустраниться ему никто бы не позволил.

Доклад Берт произвёл чётко и коротко, упирая на то, что на момент принятия им решения жениться он уже не был официальным послом Ниии, поэтому действовал как частное лицо, желая, как человек честный и примерный христианин, защитить девушку, попавшую в беду, за что и готов понести всю полноту ответственности.

Король рассматривал его со всё возрастающим скепсисом. Наконец, когда Берт закончил, он раздражённо спросил:
– Вы с ней оба романов, что ли, перечитали?!

Берт был слишком искусным дипломатом, чтобы позволить обескураженности отразиться на его лице или в позе, но король по самому отсутствию ответа осознал, что не достиг понимания, поэтому конкретизировал своё недовольство:

– Жениться-то зачем было, Берт?

Тот нахмурился, осознав, что все имеющиеся у него ответы на этот вопрос не учитывают каких-то фактов, которые король считает очевидными.

– Виноват, сир, не понимаю! – признался он.

Король смерил его досадливым взглядом и снизошёл до объяснений:

– Её высочество могла просто попросить у нас политической защиты. Этого было бы достаточно, брат, – выделил он обращение лёгким нажимом, намекая, что, несмотря на допущенный Бертом промах, не желает переходить на официальный тон.

Берту стало особенно досадно и стыдно. Он должен был подумать о таком варианте – но не подумал.

Он в тот день так проникся отчаянием принцессы, что, вместо того, чтобы здраво всё взвесить, посоветоваться с товарищами и рассудить, как поступить, попросту принял её взгляд на ситуацию, стал смотреть на дело её глазами и зациклился на мысли, что без брака райанский король сможет требовать выдачи родственницы обратно.

Но, в самом деле, если бы Ниия приняла бы принцессу под свою защиту, – никаких дополнительных гарантий вроде брака той бы не потребовалось.

Разумеется, в своей досаде Берт был не слишком справедлив к самому себе: в тот момент, как он принимал решение, он не мог знать, согласится ли его брат дать эту защиту прин-

цессе, поэтому действовал пусть неоптимально, но зато наверняка.

Однако теперь, столкнувшись с реакцией короля, который не выразил и тени сомнений по поводу оценки этой ситуации и, кажется, в принципе не рассматривал вариант с отказом принцессе в помощи, – теперь он полагал, что иначе и быть не могло, и он напрасно сомневался в брате и должен был сразу подумать о том, что он сумеет защитить Люю, даже если она и не заключит никаких браков.

Король, впрочем, вообще не стал тратить время на эмоции – и сразу перешёл к разработке плана.

– Брак, я так понимаю, нарушал вообще все возможные каноны? – уточнил он, получил от Берта подтверждение и заметно оживился: – Ну и прекрасно! – быстрым шагом подошёл к столу, сел и начал что-то писать. – Пойдёшь сейчас в патриархию, – не отрываясь от письма, принялся командовать он, – они официально этот брак аннулируют. И не было никакого брака! – довольно кивнул сам себе он, потом деловито уточнил: – Кто-нибудь ещё о нём знает?

– Мои, – тихо ответил Берт, отстранённо наблюдая, как из-под пера короля рождаются чёткие ровные строчки.

– Пошли гонца навстречу, предупреди, чтоб не болтали, – снова кивнул король, дописал, посыпал строчки песком, встал и протянул Берту бумагу.

Тот взял.

Несколько секунд стояла неловкая тишина, потом Берт

спокойным холодным голосом отметил:

– Мы с её высочеством путешествовали вдвоём. Я безнадёжно её скомпрометировал.

Король посмотрел на брата с некоторой тревогой: когда он успел так поглупеть-то?

– А-Нартэ, не дури, – впервые вмешался в разговор глава дипломатического корпуса, – конечно же, вы ехали в сопровождении компаньонки и горничной. Организуем сегодня же, Ваше Величество, – слегка поклонился он в сторону короля.

Берт сжал полученную бумагу крепче и промолчал.

Его бледность и растерянность стали слишком заметны.

Осознав, что Берт сегодня явно не в форме, и толку от него не добьёшься, король с некоторой тревогой уточнил у главы дипломатического корпуса:

– Они ведь не могли успеть ребёнка заделать, да?

Тот, ни капли не удивившись поступившему вопросу, спокойно отметил:

– За две-то недели в поспешной дороге? Вряд ли, Ваше Величество.

Берта, напротив, вопрос этот весьма выбил из колеи, и он даже поперхнулся, поэтому чуть опоздал с ответом:

– Нет, конечно, нет, – заверил он. – Мы не...

Он замялся, но король и так его понял и с облегчением махнул рукой:

– Ну и слава Богу! И к чему тогда все эти драмы? Прин-

цессе поможем, дело хорошее, – резюмировал он и вместо прощания напомнил: – Жду завтра обоих на совете с докладом. Без упоминаний её высочества, – уточнил он. – Хочу сперва с нею неофициально побеседовать, организуйте, – кивнул он то ли Берт, то ли его начальнику.

Последний незамедлительно поклонился, а вот Берт, кажется, немного выпал из реальности и так и застыл с этой несчастной бумагой в руках.

Осознав, что с родственником явно что-то не так, король кивнул главе дипломатического корпуса:

– Оставьте нас!

Тот, незамедлительно попрощавшись, вышел.

Король нахмурился. Он относился к незаконному кузену с большой теплотой, и теперь был обеспокоен его состоянием. Ему подумалось, что Берт, верно, переживает, что дал маху с этим браком – для опытного дипломата и впрямь странное решение.

– Ну! – король подошёл к брату и ободряюще хлопнул его по плечу. – Ты всё сделал правильно, Берт. Принцессу нужно было вытаскивать, – веско кивнул он. – С браком вы хватили лишку, конечно, но это несложно исправить. Ситуация внештатная, немудрено переволноваться.

Берт заторможено кивнул.

Решение короля стало для него полнейшей неожиданностью. Он не рассматривал вариант с возможной отменой брака, потому что полагал это непорядочным – и по отношению

к Лое, и по отношению к религии, к коей принадлежал. Конечно, теперь, когда этот план был высказан, он стал казаться очевидным.

Зачем бы королю вмешиваться в такой скандал? Подумать только! Дерзкий бастард королевской фамилии выкрал чужеземную принцессу и женился на ней! Это ж разгрести и разгрести несколько лет потом.

Куда проще и логичнее свести дело к ситуации «из-за междоусобной возни в Райанци принцесса из одной ветви семьи просит политического убежища у короля Ниии, дабы защититься от действий другой ветви». Такое положение дел, конечно, тоже охладит отношения между Райанци и Ниией, но всё же – является вполне обыкновенной практикой, регламентированной протоколами и договорами. Король Райанци будет недоволен, разумеется; но толком предъявить претензии ему будет не в чем.

Решение об аннулировании брака было самым логичным и политически верным, и у Берта не было ни одного разумного аргумента против.

«Попросить у него позволения ухаживать за ней?» – попытался он найти выход.

Положим, принцесса попросила у Ниии политического убежища, получила его и устроилась при нийском дворе. Может же она тут найти себе жениха? Могут же кавалеры проявлять к ней внимание и, если будет на то разрешение короля, просить её руки?

«Мне не по статусу за ней ухаживать», – вынужден был признать перед самим собой Берт.

Несмотря на добрые отношения с королём, он оставался бастардом, и при дворе его не очень-то привечали и не считали завидным женихом.

«Я только поставлю его в неловкое положение такой просьбой», – сделал вывод Берт. Если бы королю даже вздумалось разрешить ему, скажем, из личной симпатии, – скандал вышел бы похлеще, чем с похищением. Потому что в похищении, по крайней мере, был бы замешан только сам Берт; в случае же с официально разрешённым браком король тоже оказывался замазан в грязи по уши.

Берт пришёл к неизбежному выводу, что у него нет ни единого шанса отстоять свой брак – ну, если только подхватить Люю и бежать с нею дальше, куда-нибудь в Мариан, скажем.

Размышления его прервал всё ещё встревоженный король.

– Конечно, лучше бы ты выкрал даму из Ньюна, – попытался он взбодрить брата шуткой. – Это, пожалуй, даже добавило бы нам очков репутации в их глазах, – он хохотнул, поскольку шуточки над ньонскими дикими нравами всегда были в особой моде при нийском дворе.

– Это уж точно, – растянул губы в бледной улыбке Берт, поддерживая шутку.

Получив, наконец, хоть какую-то ответную реакцию, ко-

роль довольно улыбнулся.

– Всё хорошо, – ещё раз хлопнул он Берта по плечу, – устроим твою принцессу лучшим образом, не переживай.

– Благодарю, брат, – окончательно взял себя в руки Берт, рисуя на лице приветливость.

Они обменялись ещё несколькими вежливыми фразами, которые окончательно успокоили короля, после чего Берт откланялся.

Выйдя из приёмной, он направился во двор, взять экипаж для поездки в патриархию.

С каждым шагом на него наваливалась ледяная тяжесть.

Он машинально здоровался с придворными, которые попадались ему на пути, но совершенно не запоминал ни лиц, ни слов, лишь изображая привычно дружелюбную улыбку.

В голове стояла звенящая, холодная пустота.

Добравшись до экипажа и назвав кучеру пункт назначения, он откинулся на спинку сидения и прикрыл глаза, только теперь позволяя фальшивой улыбке стечь с его губ.

Грудь сдавливало непривычной, незнакомой болью, но он был слишком оглушён королевским решением, чтобы пытаться анализировать свои чувства.

«В конце концов, чего я хотел? – вяло подумал он. – Я ей не ровня».

Эта логичная и справедливая мысль не принесла ему никакого облегчения, но он уцепился за неё и так и повторял её внутри себя всю дорогу.

«Да хоть дьявол!» – звенели в ответ в его голове её слова, которые она сказала, когда он обратил её внимание на их неравенство.

«Всё логично, – возразил он этим звенящим словам. – Тогда она была в отчаянии, и была готова на всё. Но теперь всё вернулось на свои места».

Берт полагал, что это справедливо, и что Лоя заслужила самой выбирать себе супруга, а не цепляться за тот единственный вариант, который мог спасти её в трудную минуту.

«У нас только в Ниии два подходящих принца, – тут же принялся перебирать в уме блестящих женихов он. – А если брать марианских и даркийских!»

Он совсем убедил себя, что король был полностью прав, и что он устроил судьбу Лои наилучшим образом, предоставив ей и соответствующий её положению уровень жизни, и полагающийся ей по статусу выбор супруга.

Он, Берт, в эту картину никак не вписывался, и его миссия и не могла выходить за рамки того, чтобы доставить принцессу ко двору.

Всё это было чрезвычайно логично и разумно; но почему же он чувствовал, как его накрывает болью столь мучительной, словно он потерял нечто самое драгоценное в своей жизни?

Глава девятая

Лоя вся извелась в ожидании новостей. Её немудрённые бытовые дела были полностью устроены служащими дипломатического корпуса, среди коих обнаружили и дамы, которые смогли подобрать ей пусть скромное, но чистое и вполне подходящее по фигуре платье. И вот уже час, как ей совершенно нечем было заняться, и она только нервничала, ожидая возвращения Берта и пытаясь предугадать реакции нийского короля.

«Не отправит же он меня обратно, правда? – успокаивала она саму себя, сжимая пальцы. – Берт считает, что нет, а Берт его неплохо знает, ведь так?»

В который раз она прошла по комнате вперёд и назад.

«Ну! – в конце концов, ободрила она саму себя. – В самом дурном случае – я просто сбегу ещё раз!»

Удачный побег из Райанци придал ей мужества и веры в свои силы. Удалось однажды – удастся снова!

Её хрупкий оптимизм, впрочем, незамедлительно оставил её, стоило вернуться Берту. Она не смогла бы сказать, что именно в его облике пробудило в ней дурные предчувствия – он двигался как обычно и даже улыбался.

Возможно, дело было в том, что он смотрел не на неё, а словно бы мимо.

– Всё в порядке, – с порога успокоил её он, но его припод-

нятый тон возымел обратный эффект, и она тут же поняла, что что-то явно не в порядке, – Его Величество официально принимает вас под свою защиту, так что можете больше ничего не опасаться.

«Что происходит?» – тревожно удивилась Лоя. Известия были вроде бы радостные, но... радость эта не отражалась ни на лице его, ни во взгляде, лишь в искусно смоделированном тоне.

– Это ведь не все новости? – мягко переспросила она, надеясь разжиться подробностями.

Он замаялся на несколько секунд, затем всё тем же дежурным приподнятым тоном человека, который привык работать с людьми и быть с ними любезным в любой ситуации, продолжил:

– Его Величество так же посчитал разумным аннулировать наш брак. Патриархия уже выписала соответствующее свидетельство, впрочем, оно является лишь формальностью. Для широкой общественности этого брака и не существовало...

Он говорил и говорил что-то ещё, очень чётко и красиво сформулированное, но Лоя совсем уже не слышала его слов.

Застыв, она пыталась осознать то, что он сейчас сказал, но его слова казались слишком дикими и лишёнными смысла.

– Постойте, – спокойным холодным голосом прервала она его на пассаже про якобы путешествовавшую с ними компаньонку, с которой её завтра познакомят, – но как... как такое

возможно? – она попыталась привести разумный аргумент: – Мы же давали клятвы перед Господом, и Таинство не может иметь обратной силы!

Он столь же деловито переключился на эту тему, и принялся любезно объяснять, каким именно образом были нарушены соответствующие каноны, и по каким причинам совершённое над ними венчание не имело силы и являлось даже профанацией Таинства.

– Впрочем, не переживайте, меня заверили, что никакая епитимья нам не грозит, и грех этот отпустят на первой же исповеди! – оптимистично заключил он.

Она смотрела на него в упор и не понимала, что за глупости он говорит.

«Может... – вдруг ёкнуло её сердце от неприятной догадки. – Может, он просто рад отделаться от меня?»

В конце концов, он не планировал на ней жениться, это она свалилась ему на голову со своей просьбой, а он – он просто по благородству и душевной доброте не мог оставить её в беде. Потом эта же доброта вынудила его сблизиться с нею и выстраивать тёплые отношения; но он, должно быть, не хотел этого, и внутри себя досадовал на эти обстоятельства. А теперь...

Теперь для него всё сложилось крайне удачно. Сдал досужую принцессу с рук – и никаких тебе проблем!

Лоя машинально выпрямилась и гордо подняла голову. Она чувствовала себя преданной и обманутой; если уж ему

до такой степени хотелось от неё избавиться – зачем он врал и изображал заинтересованность в ней?

– Его Величество отдал какие-то распоряжения касательно меня? – холодно уточнила она.

Берт перестал улыбаться и взглянул на неё с тревогой.

– Его Величество ожидает вас завтра для неформальной беседы, – поведаль он. – Кажется, он хочет обсудить ситуацию с вами прежде, чем предпринимать какие-то официальные шаги.

«Да-да! – фыркнула про себя Лоя. – Разорвать наш брак – это, конечно, совсем не какие-то официальные шаги, чего тут согласовывать и обсуждать!»

Внешне она, впрочем, осталась совершенно спокойной и отстранённой. Повседневным тоном она высказалась о том, что у неё нет наряда, подходящего для такой аудиенции.

Берт заверил её, что завтра всё раздобудут – конечно, сшить на заказ, как этого требует её статус, уже не успеют, но, во всяком случае, подберут достойный костюм.

Он был весьма любезным – и совершенно чужим.

До Лои, наконец, дошло, с чем связано это ощущение чуждости и фальши: он упорно не смотрел ей в лицо. Это раздражало и вызывало досаду; ей хотелось посмотреть ему в глаза и убедиться... точнее, разубедиться в его равнодушии. Ей не хотелось верить в то, что он действительно рад от неё избавиться; за последние дни она уже привыкла к мысли, что дорога и нужна ему, что он искренне ею восхищается и...

Она отвернулась к окну, опасаясь выдать лицом свои эмоции. Взгляд её прошёлся по кровати – и это лишило её самообладания, потому что после вчерашнего поцелуя ей стало мечтаться, что эта кровать станет их первым супружеским ложем. Засыпая здесь вчера, она думала, что вскоре уже ей не придётся спать одной – с нею рядом будет мужчина, муж, любимый...

От досады и обиды к глазам её подступили слёзы. Ей казалось, она приняла бы известие об аннулировании их брака гораздо спокойнее и проще, если бы он не изображал всё это казавшееся таким искренним восхищение и равнодушие.

«За что он так со мной?» – горько подумала она. Даже если он и досадовал на этот брак, на то, что она ворвалась в его жизнь со своими проблемами, – зачем было мстить ей так жестоко и изображать то, чего нет?

Лоя имела твёрдое намерение до конца вести себя достойно, и ничем не выдать, как больно ей от его предательства. Однако эта жгучая обида – и этот мучительный вопрос «За что?» – подточили её волю, и ей не удалось сохранить бесстрашие.

– Но зачем... – она всё же повернулась к нему, растерянно опустив безвольные руки, и лихорадочно заговорила: – Зачем, для чего вы всё это изображали? Если вам был так неприятен этот брак, если я вас так раздражала, зачем вам было всё это делать?.. Что я вам сделала настолько дурного, чтобы вы были так жестоки и вздумали насмешничать надо

мною, изображая, будто бы я вам дорога?

Ей не были свойственны вспышки такого рода; но она полагала, что терять уже нечего, поэтому лучше позволить себе хоть чуть отвести душу, выразив свою горечь в этих беспомощных и жалких упрёках.

Впервые за разговор он смотрел прямо на неё – и в глазах его она прочитала растерянность, за которой прятались те же горечь и боль, что переполняли сейчас её.

– Я ничего не изображал, Лоя, – открестился от её обвинений он, затем нахмурился и отвернулся, и куда-то в окно продолжил: – Я сожалею, что втравил вас во всё это. Мне стоило ещё там, в Райанци, подумать толком и предложить вам альтернативный план – тот, который теперь собирается реализовать Его Величество. Вместо этого я пошёл на поводу у чувств... – он запнулся, впервые сообразив, что не стал искать альтернатив этому внезапному браку потому, что идея жениться на Лое сразу пришлась ему по душе. – Мне стоило быть более рациональным и помнить и о вашем положении, и о моём статусе.

Она замерла. В том, как и о чём он говорил, она увидела намёк на то, что и ему решение короля причинило боль.

– Тогда я говорила от отчаяния, – она сделала шаг к нему, но он не смотрел на неё. – Вы знаете, тогда вы были моим единственным шансом. – Она задрала подбородок, потому что ей было неловко от того, что он так и смотрел в окно, игнорируя её. – Но я готова повторить и сейчас, и всегда:

я не искала бы мужа лучше вас, потому что лучше вас найти невозможно.

Он дрогнул плечами; лицо его исказилось в странной гримасе.

– Теперь это уже не имеет решительно никакого значения, ваше высочество, – жёстко сказал он всё туда же, в окно, после чего резко развернулся и вышел, не прощаясь.

В Лое равно смешалось два чувства: обида от того, что на её признание он отреагировал так холодно, – и раздражение на то, что он сбежал от разговора, который она считала крайне важным.

Однако, несмотря на собственные чувства, которые теперь бушевали в ней, она увидела в его реакции главное: ему было не всё равно.

Ему было больно.

Она села на кровать, глядя на закрывшуюся за ним дверь упрямым и сильным взглядом.

«Посмотрим! – сжала она пальцами покрывало. – Это мы ещё посмотрим, кто там и что аннулировал!»

Потому что он, может, и был готов принять волю своего короля со смирением; но она – она точно не собиралась соглашаться с уже заранее неприятным ей политиканом, который не только распоряжается тут чужими браками, но и совершенно не ценит собственного брата! Пусть и не совсем родного!

«Я этого так просто не оставлю!» – упрямо пообещала се-

бе Лоя.

Сердце её было переполнено решимостью бороться за отношения, которые стали ей настолько дороги, – и горе было любым королям, которые осмелились бы встать на её пути!

Глава десятая

Для аудиенции у короля ей действительно подобрали платье, достойное принцессы, – со всеми полагающимися к нему аксессуарами. Она не знала, но об этом тоже позаботился Берт – договорился со своей единокровной сестрой, нийской принцессой. Отношения у них были неважные – та не простила отцу измены матери, а Берт был живым подтверждением этой измены, – но выручить попавшую в трудное положение девицу из Се-Ролов не отказалась.

Так что Лоя чувствовала себя вполне уверенно, выходя на этот бой.

– Ваше Величество, – склонилась она в полном достоинства реверансе, и, лишь раздалось ответное приветствие, тут же гордо распрямилась.

Король рассматривал её с искренним любопытством. Принцесса своим побегом из обычной разменной пешки вышла в пока неясные политические фигуры – и желательно было бы использовать эту фигуру в пользу нийской стороны. Для этого не мешало бы разобраться, что она за человек и к чему стремится.

Они обменялись несколькими вежливыми фразами, приличествующими ситуации и их положению. Затем король хорошо поставленным голосом выдал заверения в том, что, разумеется, принцесса займёт при нийском дворе место, со-

ответствующее её королевскому происхождению.

– Вам выделяют покои при королевских резиденциях, – перечислял он, – и ежемесячное содержание. Свиту сможете сформировать себе сами, устроим на будущей неделе приём, куда пригласим соискательниц. Поиски жениха, пожалуй, отложим до осени.

Всю его речь Лоя потихоньку закипала. С тех позиций, с каких говорил король, она чувствовала теперь себя попрошайкой и приживалкой, которую пригрели из милости, – и наверняка потребуют за это расплачиваться. В частности – расплачиваться правильной политической позицией и правильным браком.

Лоя не желала иметь ничего общего с политикой; и уж тем паче ей не нужны были какие-то женихи.

– Ваше Величество, – холодно отметила она, – я не планирую становиться двоемужницей.

Король посмотрел на неё с удивлением:

– Разве Берт вам не сказал?.. – нахмурился он.

Пронзив его ледяным взглядом, принцесса переспросила:

– О незаконном решении вашей патриархии? О, конечно, сказал, сир.

Ей пассаж вызвал у короля живое любопытство.

– Незаконном? – почти весело переспросил он, удивлённый и чуточку восхищённый дерзостью сбежавшей принцессы, позволяющей себе столь неосторожные высказывания.

– Разумеется, – спокойно встретила его взгляд Лоя и

чётким, ровным голосом высказала свою позицию: – Я дала клятву в супружеской верности перед престолом Царя Небесного. И не царям земным спорить с этой клятвой, – взгляд её вполне красноречиво отражал, что она думает о самоуправстве своего царственного собеседника. – Я принцесса из райанского королевского рода Се-Ролов, сир, – добавила она, – а принцессы нашего рода не нарушают данных ими клятв.

На этом месте королю очень, очень сильно захотелось ехидно отметить, что, кабы на месте Берта был какой-то неприятный Лое человек, то, очевидно, она и думать забыла бы о своих принцессиных клятвах, и от души радовалась бы аннулированию неудачного брака.

Однако он усилием воли удержал это ехидное замечание при себе, и лишь лёгкий его оттенок лёг усмешкой на уголки его губ.

Ему стало со всей очевидностью ясно, что брак Лои и Берта не был всего лишь вынужденной мерой, и что союз их скрепила взаимная симпатия. Сделалась ясна вчерашняя странная реакция брата – король всё не мог понять, что настолько выбило того из колеи, – да и само решение о заключении брака, которое король тоже всё не мог себе объяснить. Теперь картинка сошлась: в деле оказались замешаны чувства.

«Могу его понять!» – про себя хмыкнул король, разглядывая Лою совсем уж весело.

Она, гордо выпрямившись, смотрела на него с ледяной твёрдостью во взгляде, и на лице её было написано самое решительное упрямство – было очевидно, что она не уступит, и будет бороться за свой брак вопреки всему.

Восхищение Лоей, впрочем, почти сразу сменилось в короле досадой на брата.

Эта была привычное монарху мучительное чувство, которое возникало в нём всякий раз, когда дорогой его сердцу человек не решался прямо высказать ему свои мысли и чувства, остановленный страхом и почтением перед его высоким статусом.

Король ценил Берта особо именно потому, что он был искренен и открыт, и говорил с ним, как с братом, а не как с абстрактной политической фигурой. Было крайне досадно, что в той ситуации, когда дело было для Берта по-настоящему важным, он вдруг изменил своему обыкновению и вздумал корчить из себя послушного верноподданного.

«Ну, устрою я ему!» – прищурился король, позвонил в колокольчик и велел появившемуся на зов слуге:

– Вызовете ко мне графа Вирольского!

Долго ждать не пришлось, потому что и Берт, и глава дипломатического корпуса находились в приёмной короля на тот случай, если потребуется срочно решать какие-то связанные с принцессой международные дела.

– Ваше Величество! – поклонился Берт, входя.

«Устрою, устрою!» – с ехидным предвкушением подумал

король, рисуя на своём лице официальное представительное выражение.

– У нас имеется некоторое недоразумение, граф, – соответствующим лицу тоном отметил он.

Берт всем своим выражением изобразил внимание; со стороны Лои исходила холодная настороженность.

– Её высочество, – король встал и сделал несколько шагов по направлению к застывшей перед ним паре, – отказывается признать ваш брак недействительным.

Смятение, которое на миг мелькнуло в глазах Берта, король заметил только потому, что тщательно вглядывался.

– Полагаю, – ровным тоном привыкшего ко всему дипломата ответил, наконец, Берт, – это неотъемлемое право её высочества.

Лоя отвлеклась от благородного дела просверливания в короле дырок взглядами и краешком губ улыбнулась супругу. Тот, хотя вроде бы не смотрел на неё, ответил симметричным жестом, чем весьма позабавил короля.

«Вот так спелись!» – с восхищением подумал он.

Обида на брата стала сильнее, потому что обидно сделалось и за Лою тоже – как он мог отказаться от неё и даже слова не сказать! Нашёл тут тирана и деспота, которому и возразить не смеешь!

– Вот как! – приподнял брови король и мстительно заявил: – Но вы же понимаете, граф, что я никак не могу одобрить подобный мезальянс!

Фраза, однако, получилась скорее язвительной, чем гневной, и Берг, конечно, эту разницу сразу уловил.

Вскинув на короля удивлённый взгляд, он заметил, что, несмотря на каменно-официальное выражение лица, в глазах его явно прячутся смешинки.

Он понял, что король нарочно отыгрывает ту роль, которую Берг для него придумал, и что на самом деле роль эта весьма далека от реальности.

Тут краем глаза он отметил, что Лоя уже набирает воздуха в грудь – видимо, планирует высказать всё, что она думает по поводу всяких там мезальянсов и одобрений.

Чуть наклонив голову набок, Берг с упрёком спросил у короля:

– Издеваешься, брат?

Лоя, кажется, поперхнулась набранным воздухом: явно не ожидала такого резкого перехода на фамильярный тон.

Король, впрочем, довольно рассмеялся, и Берг понял, что он уже давненько сдерживал себя, чтобы не портить сцену.

– Ты первый начал! – отмахнулся от него король, возвращаясь к своему столу и уже оттуда обвинительно продолжая: – Почему вчера не сказал?..

Берг бросил на Лою виноватый взгляд – та на секунду возвела глаза к потолку, мол, всё с вами понятно.

– Не хотел создавать проблем, – со вздохом признался Берг.

Король сел и сложил пальцы домиком перед собой.

– Каких? – любезно побудил продолжить он.

Берт снова посмотрел на него с упрёком – но получил в ответ только весёлое любопытство.

«Ну как есть, издевается!» – уловил он за этим поведением обиду брата и признал её справедливой.

– Политических, – в тон королю ответил он.

– Политических? – восхитился тот, и по его тону Берт понял, что его сейчас разделают, как ребёнка. Ожидания эти тут же начали оправдываться, потому что король достал из ящика карту мира и принялся демонстративно тыкать в неё пальцем, приговаривая: – Мариан и Даркия, конечно, встанут на сторону принцессы чисто из христианского человеколюбия, так что в их глазах мы будем героями и спасителями. Ньон... – король восхищённо прицокнул языком. – Ньон скажет, что наконец-то хоть кто-то из А-Риолей повёл себя как настоящий мужик – взял и украл понравившуюся девицу! А что принцесса – так даже и больше героизма! А что бастард – когда ньонцев это волновало? Ещё и отца твоего сочтут своим, тоже настоящий мужик, взял несколько жён, как и положено! – Берт начал краснеть. – Анжельцы... – продолжил свой экскурс в картину мира король. – Анжельцам только дай повосхищаться очередным фееричным побегом. Они из её высочества героиню баллад сделают. Джотандцы рады всему, что насолит Райанци, мелкими странами можно пренебречь... так что у нас остаётся из политических проблем? – он демонстративно поразглядывал карту и восхи-

щённо заявил: – Ну конечно, собственно Райанци! – хлопнул по карте рукой, встал и подошёл к брату. – Райанци, с которой у нас так и так теперь отношения похолодеют, с таким-то с королём.

Сдаваясь, Берт поднял руки.

– Виноват, Ваше Величество, как есть дурак! – признал он.

– Просто сказочный! – хмыкнул король, решительно обнимая брата. – Ты о чём думал? – тихо выговорил он ему на ухо. – Тебе так с женой повезло – а ты её так обижаешь!

Берту стало мучительно стыдно – и перед братом, и перед Лоей.

– Ваше высочество, – отпустив его, король повернулся к принцессе, – приношу вам извинения за своего чересчур исполнительного родственника.

Обескураженная Лоя сделала лёгкий реверанс. Столь неформальная родственная сцена никак не вязалась с её ожиданиями – она уже успела нарисовать в своём воображении нийского короля врагом, из которого придётся с боем выдирать право самой принимать важные для её жизни решения.

– Официально я, конечно, разгневаюсь, – меж тем, повернулся король к Берту. – Приличия всё же нужно соблюсти.

– Разумеется, брат, – согласно кивнул тот.

Король прошёлся туда и обратно по кабинету.

– Отправлю-ка я вас в ссылку! – пришёл он к тому вариан-

ту, который и сам Берт полагал оптимальным. – В твоё южное поместье, – кивнул он брату.

Тот улыбнулся и перепросил:

– Ссылка на берег Многоземного моря? А это точно наказание, а не свадебное путешествие?

Король картинно всплеснул руками и с деланным возмущением ответил:

– Как можно! Ссылка в такую глухомань, подальше от светской жизни, поближе к этим ньонским варварам!

Берт рассмеялся:

– Ну, соседство с Кьеринами я как-нибудь уж переживу, они вполне цивилизны!

Южное поместье его, и впрямь, находилось на границе с Ньоном.

– Ещё бы не пережил! – фыркнул король. – Воруешь чужих принцесс – там тебе и самое место!

Лоя, которая всё это время наблюдала за перепалкой даже с некоторым удовольствием – в этой сцене вдруг обнаружилось ранее не замеченное ею фамильное сходство, что расположило её к королю, – решила вмешаться:

– Его сиятельство меня не крал. – Вдруг ей захотелось присоединиться к этой игре, и она лукаво отметила, поглядывая на мужа: – Это я его украла.

Мужчины весело переглянулись.

– Анжельцы оценят! – со смешком заявил король. – Вот к ним и отправишься, когда мой гнев утихнет!

Берт рассмеялся, сделал шаг к жене и обнял её. Она охотно прижалась к нему в ответ, сквозь весёлое удивление понимая, что, кажется, всё устроилось наилучшим образом.

Эпилог

– Я виноват перед вами, – неожиданно начал серьёзный разговор Берт, когда они ехали в карете в дипломатический корпус.

Лоя вскинула на него удивлённые глаза. Она ещё не поверила вполне, что всё сложилось хорошо, и была готова к новым подвохам.

– На фоне вашей смелости особенно неприятно, что я так вас подвёл, – развил свою мысль Берт. – Я должен был... проявить больше настойчивости... – тут он смущённо перебил сам себя: – Ох уж эта дипломатическая привычка пытаться сформулировать неприглядные факты красиво! Какое «больше настойчивости»... я и вообще ничего не сделал, чтобы сохранить наш брак.

Осознав, наконец, за что именно он винит себя, она не стала лгать:

– Мне и впрямь было ужасно обидно, что вы... – она повела плечами. – Что вы просто приняли это решение короля... Но я понимаю, – пылко смягчила она свои слова, – вам было гораздо сложнее, чем мне: ведь он ваш сюзерен и ваш брат.

Он посмотрел на неё грустно, потом чуть улыбнулся и покачал головой:

– Нет, Лоя, вас бы это не остановило – сюзерен ли, брат ли... Вы гораздо храбрее меня.

– Сказал человек, который умыкнул принцессу из-под носа злого и сердитого короля, – почти пропела она, потом поправилась: – Двух сердитых королей!

Он рассмеялся и пересел к ней.

– Я научусь у вас. Вашей смелости, – заверил он и обнял её.

Она удивлённо замерла: в этот раз его объятия чувствовались совсем иначе. В тот раз ей хотелось прижаться к нему и согреться его теплом; в этот раз его прикосновения словно обжигали её – ей казалось, что будет невыносимо, если он оставит свои руки просто лежать на её талии.

Он не оставил; одна рука его скользнула вверх по её спине, другая – вниз, по скрытому юбками бедру.

Лоя ожидала от себя, что будет очень смущаться, когда их отношения дойдут до откровенных прикосновений; но, вопреки её ожиданиям, смущения в ней не было – может, лишь капельку, – а было лишь горячее, трепетное желание ощущать его прикосновения всей кожей. С удивлением она осознала, что с радостью избавилась бы от платья – потому что оно чрезвычайно досадно мешало!

Впрочем, ей некогда было всерьёз задуматься о своих реакциях – он уже целовал её, и она со всем пылом откликнулась на этот поцелуй, пытаясь всеми силами передать, как дорог он ей стал и как сильно она его полюбила.

После, оторвавшись от губ друг друга, они взглянули друг другу в глаза, удивлённые и восхищённые тем, что теперь

испытали.

Обоим этим нелюбителям путешествий пришла в голову мысль, что путь до южного поместья Берта пройдёт весьма увлекательно и ярко.

...и не только этот путь – возможно, и вся их жизнь.